ОБЗОР СОВРЕМЕННОГО НОРМАНИЗМА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МИФЫ НОРМАНИЗМА И ИХ ИСТОКИ

Л.П. Грот
Общество «Русский салон» (Лулео, Швеция)
e-mail: mail@histformat.com
ResearcherID: D-1052-2016
http://orcid.org/0000-0003-0184-1023
SPIN-код: 1768-1727

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье показано, что основные постулаты норманизма были рождены политической мыслью Швеции в XVII-XIX вв. с целью обосновать «историческое» право Швеции на завоеванные в Смутное время новгородские земли. Таковы были мифы о Рюрике из Швеции и о варягах из Швеции, а также идея о финно-угорском субстрате в Восточной Европе, согласно которой насельниками Восточной Европы в древности были предки финнов, а предки шведов правили ими задолго до русских.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: норманизм, шведский политический миф, готицизм, рудбекианизм, норманны, викинги.

OVERVIEW OF MODERN NORMANISM. PART TWO. MYTHS OF THE NORMANIST THEORY AND THEIR ORIGINS

Lidia Groth
Society «Russian Salon» (Luleå, Sweden)
e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT
The article shows that the basic tenets of the Normanist theory were born by the Swedish political thought in the 17th-19th centuries to justify the «historical» right of Sweden to the Novgorod lands conquered during the Time of Troubles. Such were the myths about Rurik and the Varangians from Sweden, as well as the idea of the Finno-Ugrian substrate in Eastern Europe, according to which in ancient times Eastern Europe was inhabited by the ancestors of the Finns, and the ancestors of the Swedes ruled them long before the Russians.

KEYWORDS: Keywords: historiography, Scythians, Slavs, Balts, Sarmatians, Sarmatism, Vandals, Goths, Cimbri.

Продолжительная исследовательская работа в Швеции позволила мне ознакомиться с оригинальными произведениями скандинавских авторов XVI-XVIII вв., которые не популяризировались российскими скандинавистами в России. Изучение этих материалов выявило, в частности, что все постулаты норманизма: скандинавское происхождение летописных варягов, Рюрик из Швеции неизвестного социального статуса, древнескандинавское происхождение имени Руси – рождены не наукой и не в России, а появились волею политики шведской короны в период XVII-XVIII вв., преследовавшей свои геополитические цели в русских землях и создававшей для обслуживания этих целей мифы, наполненные фальсификатами на темы вымышленной истории Швеции, якобы имевшей место в древности (Грот 2017а). На более подробном рассмотрении этих мифов, ставшими истоками современного норманизма, и хотелось бы остановиться во второй части статьи, являющейся продолжением «Обзора современного норманизма», посвященного теме ненаучной природы норманизма (Грот 2018).

Прологом к вышеупомянутым шведским политическим мифам послужило особое идейно-политическое течение, сложившееся в XVI-XVII вв. в общественно-политической мысли Германии и скандинавских стран и получившее название готицизма. Сторонники готицизма стремились воссоздать великое историческое прошлое древнего народа готов, к прямым потомками которого стали относить себя народы Германии и скандинавских стран. Особая роль в начавшейся реконструкции великого гото-германского прошлого выпала Швеции, поскольку юг Швеции носил название Гёталанд, и эту область по созвучию стали связывать с прародиной древних готов, откуда они якобы вышли и начали свои завоевания в Европе. И маленькая Швеция оказалась в центре внимания широкой западноевропейской общественности того времени: ведь провозглашение Швеции прародиной готов придавало стране основоположнический статус относительно всей германской культуры.

И это как нельзя лучше совпадало с потребностями королевской власти Швеции в XVI в.: страна была во власти религиозных противоречий из-за введения лютеранства вместо католичества, там и здесь вспыхивали локальные восстания. Шведскому королю Густаву Васе (1496-1560) была необходима консолидирующая

общество идея или как бы сейчас сказали – национальная идея. Её зачином и послужили рассказы о героическом прошлом готов как прямых предков королей Швеции. При поддержке королевской власти образ Швеции как прародины готов быстро укоренился в шведской историографии, занял ведущее место в трудах придворных историков, стал насаждаться во все учебные программы. Поскольку реального исторического материала не хватало, ибо шведская история достаточно молода и собственной древностью не обладала, то за шведскую древность стали выдавать историю других народов, например, скифов – они тоже дескать, шведские предки, только назывались иначе. Так было положено начало созданию вымышленной истории Швеции в древности (Грот 2010: 103-202).

В рамках данной статьи готицистский миф интересен тем, что он вымостил дорогу для норманизма. Ведь именно под пером шведских готицистов фантазийные предки шведо-готов стали впервые бороздить восточноевропейские реки от Балтики до Черного моря, совершая вымышленные победоносные походы – образ, легко узнаваемый из работ норманистов. Таким образом, мифы готицизма осуществили двойную миссию.

Во-первых, они прежде всего выполнили ту задачу, которая возлагалась на них королевской властью. Картины великого прошлого шведо-готов консолидировали шведское общество. Шведский историк Ю. Нордстрём так передавал эйфорическое чувство, охватившее шведское общество под влиянием готицизма: «С такой историей мы чувствовали себя аристократией Европы, которой предопределено владычествовать над миром» (Nordström 1934: 95).

Здесь уместно ещё раз подчеркнуть, что «такая история» была историей выдуманной, не имевшей места в реальной истории Швеции, включая и готскую историю, поскольку выход готов с юга Швеции давно признан западноевропейскими медиевистами, включая и шведских медиевистов, мифом (Вольфрам 2003: 39; Lindkvist, Sjöberg 2008: 37; Harrison 2009: 25).

Во-вторых, показав себя продуктивной информационной технологией в деле управления шведским обществом, миф о шведо-готах подготовил основу и для политических мифов следующего этапа, призванных обслуживать уже внешнеполитические задачи шведской короны. Два столетия купания в вымышленной исторической славе закрепили в общественной мысли Швеции традицию пристраивать к шведской истории величественую древность, заимствованную из историй других народов.

А данная традиция и послужила пусковым механизмом для создания следующих политических мифов – о шведо-гипербореях и о шведо-варягах. О народе гипербореев, как известно, рассказывалось в античных источниках. Это был великий народ древности, внесший большой вклад в создание древнегреческой культуры, выходцем от гипербореев считался солнцебог Аполлон. И вот с начала XVII в., где-то с 1610 г. в кругах, приближенных к шведскому королю Карлу IX, стали создаваться удивительные произведения на тему о том, что древняя Гиперборея находилась на территории Швеции, поскольку имя Гиперборея лучше всего истолковывается из шведского языка, а имена гиперборейских героев – это испорченные шведские имена. Например, гиперборейский мудрец Абарис, научивший древних греков всяким наукам, – это испорченное шведское имя Эверт. А за гиперборейским Аполлоном должен был скрываться скандинавский Один (Nordström 1934: 118-121).

Надо сказать, что подобные «лингвистические» манипуляции над личными именами или над географическими названиями имели большое хождение в западноевропейской исторической мысли XVI-XVIII вв. А общим фоном для этой порочной традиции послужил вышеупомянутый готицизм XVI-XVII вв., поскольку в развитии мифов готицизма важную роль играла «правильная» реконструкция из «германских» языков личных имен исторических деятелей.

В первой части статьи «Обзор современного норманизма» я уже давала краткую характеристику данного феномена, т.е. веры представителей западноевропейской общественной мысли XVI-XVIII вв. в то, что если название какой-либо страны удается вывести из определенного языка, то носителей данного языка следует считать создателями государственности и культуры в этой стране. В качестве примера я приводила псевдоисторическую фантасмагорию шведа Олофа Рудбека «Атлантида», в которой он умудрился образовать имя легендарной Гипербореи из композитов шведского языка для того, чтобы объявить историю Гипербореи шведской историей в древности (Rudbeck 1937, första delen: 228-233).

Этот казалось бы нелепый экскурс в древнейшую историю Восточной Европы имел сугубо прагматическую цель – создать видимость исторической легитимности для притязаний шведских королей на русские земли как самых древних владетелй в Восточной Европе. Современные шведские историки Альвин Исберг и Йонас Нордин отмечали, что аргументация в оправдание шведской политики вытеснения русского населения с оккупированных земель и насильственного обращения в лютеранство православных ижоры и води черпалась непосредственно из «Атлантиды» Олофа Рудбека (Isberg 1973; Nordin 2000).

Логическим продолжением шведской гипербореады стали и попытки шведских филологов подогнать имя Руси под «композиты» некоего древнешведского языка по типу того, как это проделали с именем Гипербореи. Задача понятна – объявить начальный период русской истории результатом деятельности предков шведов. Ведь эти «лингвистические» изыскания приходились на период после Великой Северной войны и обслуживали конкретную геополитическую цель – оправдать попытки шведской короны военным путем вернуть потерянные русские земли (в период после Ништадского мира Швеция два раза нападала на Россию: в 1741 г. и в 1788 г.), окупированные в Смутное время. Именно в этот период была разработана концепция о древнешведском происхождении имени Руси. В преддверии военных компаний против России шведской короне важно было в глазах международной общественности предстать борцом за свои исконные исторические права: это нас, дескать, обидели, а мы хотим только свое законное вернуть! На эту цель и работали такие инфор-

мационные продукты, как идея о древнешведском происхождении имени Руси.

Создавать эту концепцию начал вскоре после окончания Северной войны швед Хенрик Бреннер. Он стал уверять, что имя Руси имеет связь с названием финнами шведов «rotzalainen» и с шведским Рослагеном. В 70-х годах, перед началом последней войны Швеции против России, современником Шлёцера, упсальским профессором Ю. Тунманном было завершено «конструирование» происхождения имени народа русь из финского названия Швеции Ruotsi, что стало преподносится как неопровержимое доказательство скандинавского происхождения народа руси. Кроме того, Тунманн «открыл», что названия Днепровских порогов у Константина Багрянородного имеют древнешведские этимологии. Все это позволило ему заявить, что теперь никто не сможет усомниться в том, что русы были на самом деле шведы и что они были основоположниками древнерусского государства (Грот 2012а: 37-39).

Но кроме названий стран подобной манипуляции подвергались и личные имена. Пример с гиперборейскими именами «древнешведского происхождения» был приведен выше. Но несколькими десятками лет ранее попытку включить гиперборейского Абариса в свою историю уже предпринимал нидерландский ученый Иоанн Горопий Беканус, используя ту же лингвистическую казуистику. В труде «Origines Antwerpianæ» (1569) И.Г. Беканус стал комментировать античные мифы о гипербореях и настаивать на том, что гиперборейцы были, скорее всего, кимврами – предками нынешних жителей Антверпена. Язык этих кимврских предков являлся, по его убеждению, праязыком всех европейских народов. Соответственно, древнее имя Абариса – кимврское имя, которое правильно звучало как Абарвис (Abarwis) и означало «тот, кто обладает чистой мудростью» (Грот 2010: 144).

Подобные «лингвистические» упражнения с целью удревнить и облагородить свое историческое прошлое были очень распространены в Западной Европе XVI в. Шведский историк Нордстрём приводит пример из испанской историографии времен Карла V (1500-1558), когда историк Lucius Marinaeus создал труд по истории Испании, в котором попытался польстить испанской аристократии, возведя с помощью «дерзновенной этимологии» личных имен родословие испанских аристократов к древнеримским родам (Nordström 1973: 171-172).

У испанских аристократов «открытия» итальянского историка понимания не вызвали, поскольку несмотря на культурно-языковую близость к итальянцам и значительный интерес к античной культуре, они гордились своим готским происхождением и считали его наиблагороднейшим в Испании. Для обоснования этого благородства также применялись «этимологические» упражнения. Так, например, само слово для обозначения испанского рыцарского сословия идальго/hidalgo, по мнению целого ряда ученейших мужей Испании, возникло из выражения «hijo dal godo», что означало «сын гота». Нордстрём заметил, что в Испании XVI в. были свои историки, которые подобно шведскому Иоанну Магнусу создавали пышные картины воображаемого героического прошлого предков испанцев (Nordström 1973: 172-173).

Шведский писатель И. Магнус (1488-1544), действительно, прославился тем, что в труде «История всех королей свеев и готов» («Historia de omnibus Gothorum Sveonumque»), приписал истории других европейских народов к шведской истории и при этом широко использовал вымышленные «этимологии» имен известных героев древности для доказательства своих фантазий. Все имена, которые требовались Магнусу в подтверждение его историозодчества, провозглашались неузнанными готскими (читай – шведскими), искаженными позднейшими историками и писателями. Таким представлялся Магнусу герой сказаний о Троянской войне Телеф. Имя Телефф, уверял своих читателей Магнус, есть искаженное готское имя Елефф, и оно до сих пор встречается в Швеции (Nordström 1975: 39,133-140,159).

Так что к XVII в. шведская историческая мысль имела в своем распоряжении «солидный» западноевропейский опыт создания фантазий на темы вымышленного исторического прошлого с помощью «лингвистического» манипулирования личными именами. Этот опыт стали активно использовать многие шведские литераторы того времени, в частности, Ю. Буре (1568-1652), Г. Штэрнъельм (1598-1672) – это под пером Штэрнъельма гиперборейский Абарис превратился в шведа Эварта/Ивэрта, О. Верелий (1618-1682) и разумеется, О. Рудбек (1630-1702) (Грот 2010: 147-149).

На фоне развития событий Смутного времени и периода после Столбовского договора смысл грубого фантазирования на темы восточноевропейской истории совершенно прозрачен: мифы о шведо-гипербореях были призваны стать дополнением мифов о шведо-готах и созданием на этой базе новейшей версии истории Восточной Европы в древности, где предкам шведов отводилась бы первенствующая основоположническая роль с древнейших, гиперборейских времен, которые, по созданной мифологической историософии, якобы уже в гиперборейские времена обустраивали Восточную Европу задолго до других народов, ходили и до Черного моря, и далее до греческих островов. А это давало шведским королям якобы особое историческое право на оккупированные русские земли.

Связь шведской гипербореады с конкретными политическими задачами подтверждается тем, что именно одновременно с этими безумными фантазиями на исторические темы именно из шведской королевской канцелярии вышли мифы о Рюрике из Швеции и о варягах из Швеции.

Рюрик из Швеции явился плодом вымысла шведских сановников – участников переговоров в Новгороде. В 1613 г. ими была сфальсифицирована шведская часть протокола переговоров с новгородцами относительно кандидатуры Карла Филиппа на московский престол. В этот протокол шведские сановники внесли ложные сведения, согласно которым новгородцы на переговорах якобы сами рассказывали о том, что был у них в древности князь из Швеции по имени Рюрик. Из позднейшего сличения документов выяснилось, что ничего подобного новгородцы не говорили. В неофициальных записях секретаря Карла-Филиппа сохранились под-

линные слова новгородцев, говоривших на перговорах, что «...у новгородцев исстари были свои собственные великие князья... так из вышеупомянутых был у них собственный великий князь по имени Родорикус, с родословием из Римской империи» (Фомин 2005: 22-25).

Иными словами, новгородцы подчеркнули древность собственного института княжеской власти. А «Рюрик из Швеции» – это плод свободного полета фантазии шведских королевских сановников. И совершенно очевидно, что их инициатива могла возникнуть только с негласного одобрения первого лица Шведского королевства. Только так можно объяснить дерзость шведских сановников, совершивших фактический подлог в официальном протоколе, исказив слова архимандрита Киприна. Они вряд ли решились бы на это без согласия короля.

Почти в то же время был создан и образ «варягов из Швеции» и тоже лицом, приближенным к шведскому королю. В 1614-1615 гг. шведский дипломат и доверенное лицо шведских королей – сначала Карла IX, а потом Густава II Адольфа – по сношениям с Русским государством П. Петрей публикует на шведском языке свой труд «История о великом княжестве Московском», в котором, в рассказе о первых русских правителях, он вдруг заявляет, что варяги русских летописей должны были быть никем иным, как выходцами из Швеции.

За пару лет до этого Петрей издал другое произведение – хронику о свея-готских королях, где упомянул и древнерусского князя Рюрика, но как выходца из Пруссии, т.е. с южнобалтийского побережья. Заявление о варягах из Швеции в новом сочинении было сделано сугубо декларативно в произведении, которое было посвящено принцу Карлу-Филиппу в период обсуждения его в качестве кандидата на московский престол и преследовало понятную цель: фальсификат о шведском происхождении летописных варягов – основоположников великой правящей династии Русского государства – мог оказаться полезен в случае успеха шведских притязаний пусть хоть не на московский, но на новгородский престол. «Научная» же ценность мысли П. Петрея о «варягах из Швеции» аналогична ценности идеи о гипербореях как выходцах из Швеции (Грот 2017: 20-22).

Венцом фантазий шведских литераторов и придворных историографов XVII в. о варягах из Швеции стала «Атлантида» Олофа Рудбека – фантасмагория на исторические темы, где «реконструировалась» утраченная шведская история через отождествление со Швецией платоновской Атлантиды, острова гипербореев, Скифии и, разумеется, некоей Варягии – страны, из которой якобы и вышли летописные шведо-варяги. Шведский исследователь готицизма и рудбекианизма Ю. Свеннунг (1895-1985) охарактеризовал «Атлантиду» как произведение, где шовинистические причуды фантазии шведов были доведены до полного абсурда (Svennung 1967: 89-91).

Рудбеком усиленно развивалась и идея о том, о том, что предки шведов издревле властвовали в Восточной Европе и собирали дань с местного населения (Rudbeck 1947: 196-199). Одним из вдохновляющих мотивов этих рассуждений было стремление обосновать историческое право Швеции облагать данью оккупированные русские земли, что после Столбовского договора (1617) означало на деле идеологизацию получения выгод от контроля за русской торговлей хлебом с Западом, а после поражения в Северной войне – оправдание попыток реванша с целью возврата земель в устье Невы, где рос молодой Санкт-Петербург.

В период после Ништадского мира вымыслы П. Петрея и О. Рудбека о варягах из Швеции получили дальнейшее развитие в работах шведских историков и литераторов. В шведских университетах обнаружилось удивительное увлечение писать диссертации о летописных варягах, в которых во главу угла ставились вымыслы Петрея и Рудбека о шведском происхождении варягов. Среди диссертаций по «варяжскому вопросу» стоит выделить диссертацию Арвида Моллера, профессора в области права и этики в университете в Лунде, который в 1731 г. защитил диссертацию «Dissertatio de Waregia (Wargön)», где стремился отстаивать шведское происхождение варягов.

Для обоснования этой идеи А. Моллер воспользовался не источниками (поскольку их не было!), а фантазиями, во множестве позаимствованными у Олофа Рудбека: славян во времена Рюрика в Хольмгардии/Гордарике не было, а проживали финны и ливляндцы; варяги было не именем народа, а прозванием знатных молодых людей, занимавшихся пиратством в Варяжском море. Название Варяжское море хорошо толкуется из шведского языка, поэтому варяги, приходившие из-за моря, могли быть только шведами.

Здесь не место подробно разбирать «теории» А. Моллера, тем более, что он, следуя традициям шведского мифотворчества, доказательствами себя не утруждал, а действовал в традициях донаучной историографии XVI-XVII вв., используя манипуляции сколько-нибудь созвучными словами. Так Моллер декларировал следующее: поскольку скандинавы постоянно занимались пиратством, то они называли себя Waregos, а свою страну – Wargön, т.е. Волчий остров (здесь А. Моллер заимствовал вымысел Рудбека, а в реальности названия Wargön для Скандинавского полуострова или его для части никогда не существовало). За многие годы разбоя такие прозвища вошли в обычай. Если кто-то думает, пояснял Моллер, что странно было людям называть себя разбойниками или кровожадными волками, то надо помнить, уверял Моллер, что в древние времена скандинавы не воспринимали пиратство как что-то постыдное, а наоборот как почётное дело. Из сего следует вывод Моллера: поскольку единственное значение слова Waregos может быть только 'разбойник' или 'пират', а это значение выводится из скандинавского языка, значит и варяги могут быть только скандинавами.

Вот и все «доказательства»! Однако согласно имеющимся сведениям о пиратстве у скандинавов, этот промысел не обнаруживал связи со словом Waregos. Кроме того, слово «пират» имело в скандинавской литературе негативную окраску. Таким образом, рассуждения Моллера о варягах – это чистейшие фантазии, к тому же, в большей своей части, заимствованные у Рудбека.

Но Моллер выступил творцом и собственного вымысла, а именно, вымысла о тождестве скандинавов и норманнов, несмотря на его сумбурность, сыграв-

шего наиважнейшую роль в закреплении фантомов шведского политического мифа в исторической науке. В поисках подтверждений своих фантазий о шведском происхождении летописных варягов Моллер обращается к истории норманнских походов в Западной Европе и начинает развивать мысль о норманнах как исключительно выходцах из Дании, Норвегии и Швеции, осуществлявших грандиозные пиратские экспедиции в Балтийском море и в Атлантике. Исходя из описаний норманнских походов в источниках, Моллер приходит к неожиданному выводу, легко проецируемому на современный норманизм. Норманны, рассуждает Моллер, были скандинавскими пиратами, и в источниках имеется множество рассказов об их нападениях на Западе. Но если они нападали на Западе, по выводу Моллера, то обязательно должны были нападать и в Восточной Европе (Latvakangas 1995: 350-355).

Этот же самый довод не устают повторять и современные норманисты. А довод, как видим, взят из шведского политического мифа, не подкрепленного никакими источниками!

К великому сожалению, миф о норманнах-скандинавах заслонил от нас реальную историю норманнских походов во всей полноте. А их военные операции отличались большим размахом. По масштабам они сравнимы с военными действиями на Западном фронте во время Второй мировой войны, в которых была задействована чуть не вся Западная Европа. Следовательно, и в Средние века они не могли координироваться, финансироваться, обеспечиваться людскими и прочими ресурсами только за счет малолюдного населения стран Скандинавского полуострова. За норманнскими походами в качестве координатора должен был стоять еще кто-то. В пояснение можно провести параллель с нашими днями. Представим, что на территории Западной Европы какой-либо крупный военный организатор, например, НАТО проводит военные учения, в которых участвуют силы многих стран, в том числе и скандинавских. Но представить, что эти крупные военные операции общеевропейского масштаба могли бы быть обеспечены только силами и средствами стран Скандинавского полуострова, невозможно, даже если во главе этой организации поставлены датчанин Андерс Расмуссен или норвежец Йенс Столтенберг. Но так же было и более тысячи лет тому назад. Выходцы со Скандинавского полуострова среди норманнов, безусловно, были, но одними скандинавами состав норманнских войск ограничиваться не мог – это несерьезно.

Неправдоподобность отождествления норманнов только с выходцами из Скандинавии подтверждается, в частности, и тем фактом, что с набегами норманнов связывается появление в Ирландии традиций городской цивилизации и основание первых ирландских городов. Но выходцы из Скандинавии в основоположники процесса ирландской урбанизации не годились. Ирландский историк Ф.Бирн так комментирует данное явление: «Часто вызывает удивление, что “варвары”-викинги смогли принести “городскую цивилизацию” в Ирландию... Даны, которые заселили большую часть северной и восточной Англии, не строили городов, хотя они оккупировали Йорк и приложили немало усилий для захвата Лондона – двух главных городов в римских провинциях Британии, которые продолжали существовать и в англо-саксонский период. На Фарерских островах, на Шетландских островах, на Оркнейских островах, в Сатерленде, на Гебридах и даже в Исландии, где они заселили пустынные местности или захватили заселённые местным населением территории, города не появились» (Byrne 2005: 620-621).

Приведенное высказывание ирландского историка можно дополнить и сведениями из истории Швеции. Согласно ведущим шведским медиевистам, появление монументальных каменных построек в Швеции обнаруживается лишь в середине XII в., а строительство городов – в XIII в. (обзор историографии см.: Грот 2015).

В поисках ответа на вопрос о том, кто были те таинственные норманны – язычники, основавшие в Ирландии города, я обратила внимание на работы ирландского археолога и историка П. Уоллеса, который отметил, что от этих язычников в ирландский обиход вошло слово garrda для обозначения их городских поселений, которые имели ограждения, что собственно, и означало слово garrda. Уоллес пишет, что это слово происходит от «the Old Norse» – garðr (Wallase 2000: 261-274; 2008: 172-174).

Но слово garðr или gård в современных датском, норвежском и шведском – двор, усадьба, а не город. И является, как очевидно, заимствованием из славянских языков, из языковой традиции, носители которой возводили грады на огороженном пространстве, за оградой. Слово град-гард явно заимствовалось в скандинавские языки в то далёкое время, когда своих городов у предков датчан, норвежцев, шведов ещё не было, поэтому в скандинавских языках оно закрепилось за населённым пунктом сельского типа. Отсюда gårdejer в датском языке имеет значение крестьянин, фермер, но никогда – горожанин.

Поэтому норманны – язычники, в лексике которых было слово garðr или град-гард вряд ли были носителями «древнесеверного» языка, хотя к североевропейским народам относились. Правда, здесь надо вспомнить, что Северная Европа не замыкалась на Скандинавском полуострове.

Например, в знаменитой «Истории северных народов» шведского писателя Олауса Магнуса (1490-1557) понятие nordiska folken/северные народы не ограничивается, как сейчас, скандинавскими народами, а охватывает народы Северной Европы. Об этом говорится совершенно определенно в главе «О пяти различных языках в северных странах» (Om de fem olika språk i de nordiska länderna), в числе которых называется язык северных лапландцев (ботнийцев), язык московитов (русских), финнов, язык свеев и гетов, а также немцев (Magnus Olaus 1912: 178).

Понятно, что немцами в период норманнских походов были жители южнобалтийского побережья. Собирательный топоним Nordiska länderna/Северные страны встречается и в исландских сагах как Norðrlǫnd. Известная исследовательница исландских саг Г.В. Глазырина отмечала, что данный топоним включал и Северную Германию, иначе говоря – южнобалтийское побережье (Глазырина 1996: 172).

Не углубляясь в дальнейшее развитие данного сюжета, повторю только, что было бы интересно восстановить историю норманнских походов во всей полноте. Но для этого необходмо признать мифом монополию скандинавов на норманнские походы. Однако норманисты так сроднились с этим мифом, что до сих пор никто не решался подвергнуть его критическому разбору. Ведь двухвековая история этого мифа изначально была благосклонно принята представителями ведущих общественно-политических течений западноевропейской общественной мысли. Уже в XVIII в. идеи Моллера упали на благодатную почву, возделанную положительным отношением английских и французских просветителей к донаучной шведской историографии, в частности, к пышным фантасмагориям О. Рудбека, «Атлантиду» которого запоем читали и в Англии, и во Франции. Общеевропейская популярность рудбекианизма с конца XVII – первой половины XVIII вв. была взращена готицизмом, в русле которого немецкими и шведскими историками и теологами в течение XVI в. был создан образ великого прошлого готов как завоевателей мира и героических предков германских народов. С XVII в. этот образ стал привлекать всё большее внимание английских историков, а несколько позднее – и французских мыслителей. И вот в рамках общеевропейского готицизма идеи величия готов в древности приобрели большое распространение во многих европейских странах, вместе с чем имена Иоанна Магнуса и Рудбека на какое-то время стали признанными европейскими именами.

В 1647 г. Натаниэль Бэкон заявил в своём «Historical Discourse of the Uniformity of the Goverment of England», что древнее готское право оказало большое влияние на английское право в ранний период истории (Haslag 1963: 14; Svennung 1967: 64).

В английской литературе проявилось увлечение древнескандинавским литературным наследием, которое отождествлялось с готическим («altnordisch» в значении «gothic»). Романтика английского готицизма подогревалась идеями исходного родства всех германских народов. Эти идеи, как упоминалось выше, были сформулированы немецким и шведским готицизмом, но захватили постепенно и английских мыслителей. Роберт Шерингэм в 1670 г. написал работу «De Anglorum Gentis Origine Disceptatio», где привлёк всю доступную скандинавскую литературу, которая характеризовалась как «libri antiqui lingua Gothica scripti». Дискуссия о прародине готов получила развитие среди английских историков и отразилась в таких работах, как «Британия» Уильяма Кэмдена (1610), как «История Великобритании» Джона Спида (1611), как «Archaeologus» Генри Спельмана (1626) и др. В 1658 г. труд Олафа Магнуса «История северных народов», в котором рассматривались народы Северной Европы, включая и русских (московитов), был переведён на английский язык под названием «A Compendious History of the Goths, Swedes, & Vandals» (Haslag 1963: 10-22).

Шведский исследователь готицизма Ю. Свеннунг подчеркивал, что к концу XVII в. идея готицизма о германских народах как прямых потомках готов укоренилась в Англии. Так, историк Джеймс Тюрелль писал в своём труде: «Все германцы имеют готское происхождение, а англосаксы относятся к древним германцам, описанным Тацитом...» (General History of England 1698). Аналогичные мысли высказывал государственный деятель и дипломат Уильям Темпль: «Саксы были ветвью готских народов, рои которых вылетели из северного улья и под руководством Одина ещё в древние времена заняли все страны вокруг Балтийского моря» (Intdouction to the History of England 1695). На волне этого увлечения готицизмом, отмечал Ю. Свеннунг, «Атлантида» Рудбека была встречена в Англии самым позитивным образом. В качестве примера он приводит отзыв Королевского общества от 10 января 1681 г., помещённый в «Collectiones philosopicae»: «Заслуженный и прославленный автор только что закончил великий труд, который служит к большой чести его страны и показывает, как росло и развивалось Шведское королевство... в подтверждение положений, которые он отстаивает, он собрал обширнейший материал из самых разных областей и связал всё воедино... невозможно отдать предпочтение какой-то одной части его работы перед другими» (Svennung 1967: 64-65).

Помимо английской историко-политической мысли готицизм и рудбекианизм были поддержаны и виднейшими представителями французского Просвещения, отдавшими обильную дань поклонения фантазиям ненаучной шведской историографии, включая и Рудбека. Среди них следует назвать Монтескье, Вольтера, Руссо, Шатобриана.

Так, Монтескье в своей работе «О духе законов» (1748) писал: «Я не знаю, был ли это знаменитый Рудбек, который в своей “Атлантиде” превознёс Скандинавию и рассказал о великом превосходстве, долженствовавшем поставить скандинавов над всеми народами мира; и по причине этого они явились источником свободы для Европы, т.е. практически всей той свободы, которая сейчас есть у людей. Гот Иорданес назвал северную Европу мастерской человеческого рода. Я скорее назвал бы её мастерской, где производят оружие, разбивающее оковы, которые куют на юге. Именно на севере рождаются мужественные люди, покидающие свои страны для того, чтобы разбивать тиранов и рабов и учить людей, поскольку природа создала их равными...» (Montesquieu 1990: 165).

Фимиам, курившийся влиятельными представителями английского и французского Просвещения в адрес вымышленной истории Швеции в древности, впитывался культурной элитой западноевропейских стран и становился постепенно неотъемлемой частью их духовной жизни, приобретая при этом самые неожиданные формы. Например, у классика французского романтизма Шатобриана в его «Memoires d'outre-tombe» находим высказывание о том, что «Теодорих остаётся великим, хотя он и погубил Боэция. Готы принадлежали к высшей расе» (Svennung 1967: 103).

Как видим, политическая мысль, породившая готицизм и рудбекианизм, создававших мифы о великом прошлом гото-германцев, неизбежно выливалась в миф о «высших расах», к которым естественно относились те же гото-германцы. В подобной обстановке идеи шведского политического мифа о шведском происхождении летописных варягов, к которым подсоединили и исто-

рию норманнских походов, распространялись в Западной Европе также успешно, как за несколько десятилетий до этого распространялись фантомы вымышленной истории Швеции в древности о шведо-готах и шведо-гипербореях. Теперь к этой компании были подключены и варяго-норманны шведского происхождения, неизвестные ни одному историческому источнику.

Подготовленная готицизмом и рудбекианизмом, западноевропейская историческая мысль гармонично впитала новые исторические фальсификаты. Например, в прославленной французской энциклопедии – этом крупнейшем справочном издании XVIII в. – была помещена статья и о варягах, в которой сообщалось, что варяги были скандинавского происхождения (Warages 1756: 589).

Аналогичный опус мы видим и в труде английского историка Э. Гиббона «История упадка и крушения Римской империи» (1776-1778), где он в связи с сюжетом о падении Константинополя в 1453 г. затрагивает вопрос о началах русской истории и пишет об экспансии скандинавов на восток Европы, приведшей к основанию там скандинавской династии (Gibbon 1952: 341).

Все это показывает, между прочим, и уровень западноевропейской научной мысли в XVIII в. – он не был так блестящ, как нам долгое время внушалось. Вспомним, как «научные» традиции в Англии ядовито высмеял Свифт, изображая «великие» академии Лапуту и Бальнибарби. Венгерский писатель и публицист Иштван Рат-Вег (1870-1959) сравнивал некоторых представителей западноевропейских университетов XVII-XVIII вв. с серой саранчой, которая тучами копошилась на полях науки, и приводил в пример шведского врача и алхимика Андреяса Кэмпе (1622-1689), создавшего труд «Die sprachen des paradieses», опубликованный в Гамбурге в 1688 г., где он уверял, что в райском саду господь бог говорил по-шведски (Рат-Вег 1987).

И самое примечательное, что Кэмпе не был чудаком-одиночкой в западноевропейском обществе XVII в. Современником Кэмпе был, в частности, упоминавшийся выше О. Рудбек, который среди прочего также проповедовал идеи о том, что в Библии пересказывалась именно древнешведская история, поскольку согласно «лингвистическим» упражнениям Рудбека, библейские имена Магог, Мешех, Фувал имели шведское происхождение (Грот 2010: 158-159). А Рудбек был признан всей просвещенной Европой того времени. Вот на почве, сдобренной такой ненаучной герменевтикой, и выросли идеи современных норманистов о скандинавском происхождении летописных имен.

А с начала XIX в. подобные идеи, т.е. практически рудбековские и моллеровские фантазии на темы русской истории, освоив Западную Европу, хлынули в Россию вместе с выдуманными норманнами-скандинавами, которые якобы скрывались под именем летописных варягов. И создатели шведских политических мифов, не вернув под власть шведской короны русские земли, присвоили в свою пользу начальный период русской истории.

Но прежде чем продолжить рассказ о «путях и судьбах» этих мифов в российской общественной мысли, следует сказать, что в лоне этих же мифов была рождена ещё одна идея, крайне негативно сказавшаяся на развитии российской исторической науки. Я имею в виду идею о финно-угорском субстрате в Восточной Европе, впервые также высказанную О. Рудбеком. Тот факт, что она была рождена в одной купели с идеей варягов и Рюрика из Швеции и, следовательно, с той же геополитической целью, прошел мимо внимания ученых.

В третьем томе «Атлантиды» (1698 г.) О. Рудбек, фактически, создал новую этническую карту Восточной Европы в древности, приспособленную к запросам шведской политики в оккупированных русских землях. С этой целью Рудбек провозгласил, в частности, что в послегиперборейские времена древнейшим населением Восточной Европы, начиная с севера и вплоть до Дона, сделались финны, а славян или русских там не было – они жили много южнее. Финны были подчинены предкам шведских королей – гиперборейским скифам (Yfwerborne Skythar), покорившим постепенно Азиатскую Сарматию. Кроме того, шведские короли подчинили также эстов, живших на берегу Балтийского моря (Rudbeck 1947: 197-199).

Оба названия эсты и финны, заимствованные от античных авторов, переносились на карты восточной Балтики, на колонизованные земли в ходе датских и шведских крестовых походов, организуемых с конца XII – XIII вв. Поэтому в период после Столбовского мира шведские власти в Ингерманландии и в других «инкорпорированных» землях были заинтересованы в том, чтобы в обиходе закреплялись названия финны и эсты. Соответственно, и для Рудбека было политически корректным постулировать, что на северо-западе Восточной Европы древнейшим населением были финны и эсты, управляемые шведскими королями, а русских здесь и близко не было. А из «Атлантиды» Рудбека, как отмечалось выше, черпалось, в свою очередь, «историческое» оправдание политики насильственного обращения в лютеранство православных ижоры и води, проводимого шведской администрацией Ингерманландии. Здесь уместно привести конкретный пример. Так, шведский суперинтендант И. Гезеллий, назначенный в Ингерманландию в сентябре 1681 г., для оправдания политики насильственного обращения ижоры и води в лютеранство стал, со ссылкой на Рудбека, в официальных документах пересказывать его мысли о том, что предки шведов и финноязычных народов были самыми древними поселенцами на севере Восточной Европы, поэтому Ингерманландия – исконно древнешведская территория, и русские цари не могу считаться ее законными властителями (Isberg 1973: 100-109).

Современный шведский историк Юнас Нордѝн подчеркивал, что «Атлантида» Рудбека играла важную роль в утверждении идеи о западногерманском происхождении Ингерманландии и тем самым «законности» окупации русских земель (Nordin 2000: 77).

Со временем большинство фантазий Рудбека на исторические темы было отнесено к курьезам, как это видно из приведенного выше высказывания шведского исследователя Ю. Свеннунга. Но этнической карте Восточной Европы в древности была суждена другая судьба.

Дело в том, что в Швеции Рудбека зубрили во всех учебных заведениях еще в течение XVIII в., включая и учебные заведения Финляндии, которая была частью Шведского королевства. Известный шведский историк XX в. Хенрик Шюк отмечал, что фантазии рудбековской «Атлантиды» в Швеции конца XVII-XVIII вв. заучивались как святыня, сравнимая только с Аугсбургским символом веры (официальный вероисповедальный документ – богословская норма лютеран) (Schűck 1932: 30). Поэтому естественно, что шведские историки, обращавшиеся к теме великой миссии шведо-варягов в Восточной Европе, в качестве основного источника для своих диссертаций использовали «Атлантиду» Рудбека и весь её миражный гигантизм, который все больше мыслился как реальная история древней Швеции (Schück 1932-1944: 138).

Важным «вкладом» в развитие рудбековской идеи финно-угорского субстрата стала диссертация Альгота Скари́на под названием «De originbus priscae gentis Varegorum», защищенная им в 1734 г. в Королевской академии в Або (современный Турку). Относительно диссертации А. Скари́на стало принято утверждать, что он был первым западноевропейским историком, обратившимся к русским источникам.

Скари́н, действительно, воспользовался каким-то переводом Повести Временных Лет (далее ПВЛ) и в известной фразе летописи «Имаху дань варязи изъ заморья на чуди и на словѣнех...» к слову чудь приписал такое пояснение: «Ziudi, под которыми имелись в виду Fenni, Estones», т.е. финны и эстонцы (Scarin 1734: 56).

Никакого подобного комментария в ПВЛ, как известно нет, и летописец не связывает чудь ни с финнами, ни с эстонцами. Но шведскому историку было важно сфальсифицировать ПВЛ для западноевропейских читателей, подбросив мысль о том, что вот, не только шведский Рудбек знал о финнах и эстонцах, как древних насельниках Северо-Запада, но и русские летописцы об этом помнили. Так родилась идея о чуди как эстонских племенах, принятая в современной науке (Грот 2016: 96-97).

Но русская история «обязана» Альготу Скари́ну и введением V в. как рубежа для начала расселения славян в Восточной Европе, который стал ассоциироваться с началом русской истории. В указанной диссертации Скарин разделил историю России на период «до расселения славян» и «после расселения славян». По мысли Скари́на, Россия, бывшая одной из областей империи Одина, до расселения славян была населена гуннами, которые входили в Шведский рейх. Но в V в. гунны, сообщает Скари́н, покинули эти места, и в опустевших областях стали распространяться славяне и венды, ищя нового места жительства Scarin 1734: 10f.).

Рубеж V-VI вв., от которого стали отсчитывать начало русской истории, также укоренился в отечественной историографии, в силу чего от русской истории был отрезан весь её древнейший период, а русским стала отводиться роль поздних пришельцев на родной земле.

После вхождения Финляндии в состав Российской империи большую роль в распространении шведского политического мифа в российском обществе стали играть финские филологи и фольклористы, такие как А.М. Шёгрен (1794-1855), М.А. Кастрен (1813-1853), Д. Европеус (1820-1884) и др. Заслуги названных учёных, а также их коллег перед мировой наукой в изучении финского языка и фольклора бесспорны, но образование они получали в шведских учебных заведениях и историю учили «по Рудбеку». Из его фантомного сочинения они и почерпнули свои представления о финнах, как первых насельниках в Восточной Европе. А под влиянием их работ в российской науке, в свою очередь, и сложилась та картина сплошного финно-угорского мира, якобы существовавшего в древности от Саян до Балтики. В XIX в. подобные идеи укоренялись в российском обществе стараниями представителей либеральной и левой мысли, которые как тогда, так и сейчас являются убежденными западниками и проникнуты верой в то, что все, что приходит с Запада, правильно и прогрессивно, а кто выступает против, тот ретроград и квасной патриот (Грот 2017: 19-23).

Такова краткая история мифа о финно-угорском субстрате в Восточной Европе. Власть этого мифа пока безраздельно царит в российской науке. Ещё с подачи А.М. Шёгрена и М.А. Кастрена из финно-угорских языков с помощью умозрительных лингвистических упражнений начали выводить названия русских рек в северных и центральных областях Восточной Европы. Эти финские ученые много сделали в области изучения уральских и алтайских языков, но одновременно они популяризировали впитанные из рудбекианизма идеи о том, что носители финно-угорских языков являются первым, т.е. коренным населением в тех областях, где оно проживало во времена А.М. Шёгрена и М.А. Кастрена.

Сейчас благодаря ДНК-генеалогии мы знаем, что предки современных носителей финно-угорских языков как представители гаплогруппы N1c1 стали расселяться в Восточной Европе не ранее первых веков нашей, т.е. много позднее расселения здесь носителей индоевропейских языков или представителей гаплогруппы R1a, давших свои названия гидронимам и другим географическим феноменам (Клёсов 2013).

Результаты исследований в области ДНК-генеалогии совпадают с выводами моих работ по изучению духовных традиций древнерусской истории, поскольку именно мировоззренческие принципы древнерусской и ведической культур обнаруживаются, например, в основе карело-финского эпоса «Калевала» (Грот 2017).

Миф о финно-угорском субстрате на Русской равнине, как было сказано, явился частью общего шведского мифа о шведо-готах, о шведо-гипербореях и о шведо-варягах. Успех этой историко-политической мифологии на европейской арене явно содействовал продолжению политического мифотворчества. И следующим мифом стал миф о скандинавах-викингах и их великих деяниях в европейской истории. К сожалению, и этот миф развился в мощный фальсификат, внесший свою долю в извращение русской истории, поэтому рассмотрю его подробнее.

Викинг как общескандинавский образ сложился в скандинавской общественной мысли только в XIX в. Его разработка также была вызвана политическими интересами, но уже общими политическими интересами всех скандинавских стран. Новое время ставило но-

вые задачи, а новые политические задачи были связаны с поисками общескандинавской идентичности. Эти поиски оформились в общественно-политическое движение, известное под названием скандинавизм. Скандинавизм зародился ещё в конце XVIII в. как движение в области скандинавской культуры, которое чуть позднее слилось с идеями общеевропейского романтизма.

Идеи романтизированного патриотизма вдохновили таких писателей и деятелей шведской культуры как Эрик Гейер (1783-1847) и Эсайя Тегнер (1782-1846) на выступления с патриотической поэзией, в рамках которой они стали формировать тот образ «общескандинавских» викингов, который знаком нам сейчас. Этот образ из поэзии проник в исторические произведения, хотя изначально являлся феноменом художественным, а не историческим. То же самое произошло в Дании, а чуть позднее – и в Норвегии (Hägg 2003; Ustvedt 2004).

Помимо поэзии, распространению и укоренению «оперного» образа викинга-скандинава в шлеме с рогами и под полосатым парусом способствовали представители романтизма в живописи. Привычка, унаследованная ещё со времен самого крупного представителя шведского готицизма Юхана Магнуса приписывать к шведской истории материал из истории других народов, помогла скандинавским романтикам скомпоновать красочный образ скандинавского викинга с помощью заимствований из континентальной материальной культуры. Например, рога на шлемах, по предположению датского историка Томаса Олдрупа и шведского историка Оке Перссона, были позаимствованы из галльской культуры, где они были известны за несколько столетий до викингского периода (Persson, Oldrup 2010: 12-13).

Причем использовались такие шлемы, явно, в ритуальных церемониях, а не в походах – неудобно в походах с рогами-то. Данные об отсутствии рогов на скандинавских шлемах я опубликовала ещё в 2011 году (Грот 2011). Полагаю, что я была первой, кто проинформировал об этом российское общество. Но постепенно весть разошлась, и теперь даже Википедия сообщает о том, что викинги рогов не носили, разве что в ритуальных целях. Ссылка на мою публикацию при этом не приводится.

Романтические поиски общескандинавской идентичности, в лоне которых был создан непомерно раздутый образ скандинава-викинга, совпали с новыми политическими запросами. И именно волею политических сил феномен викинг стал раскручиваться до противоестественных масштабов и вошел в научные и образовательные издания.

Надо сказать, что слово «viking» известно только в Западной Европе, причем для скандинавских языков оно, очевидно, является заимствованным, хотя со времен скандинавизма его пытаются втиснуть в прокрустово ложе скандинавских «этимологий».

О заимствованной природе слова викинг есть интересные рассуждения в одной из работ вышеупомянутого ирландского историка Фрэнсиса Бирна. Так, Бирн напомнил, что этимология слова ‘viking’ – предмет длительных дискуссий. Однако само слово, указал Бирн, старше, чем эпоха «The Viking Age», поскольку оно встречается уже в староанглийском языке в VIII в., где слово uuicingsceade было обнаружено в значении пират (uitsing в старофризском), а в староверхненемецком того же периода слово Wiching было найдено как имя личное. И явно от этого личного имени, а не от нарицательного имени, убеждён Бирн, произошло название Wicklow (Vikingal`o или викингская луговина), так же как и ирландское имя Uiginn.

Ф. Бирн констатирует, что все попытки произвести слово викинг из старонорвежского оказались лингвистически невозможными. Толкование vik-king или король фьорда, по мнению Бирна (а так считают и многие другие учёные), невозможно чисто лингвистически, поскольку в старонорвежском слово ‘king’ существовало в форме konungr, более того, не все викинги были ’seakings’. Давно отвергнута, напоминает Бирн, как лингвистически невозможная мысль о том, что слово произошло от гидронима Вик (название фьорда Осло на юге Норвегии) в качестве названия местных жителей, которые известны в источниках как vikverjar (Byrne 2005: 609-634).

В каких источниках фигурировали викинги? В английском героическом эпосе «Видсид» (Widsith) скальд по имени Видсид описывает прославленных правителей, а также страны и народы, которые он посетил. Слово «викинг» упоминается дважды: в рассказе о том, как конунги Хродвульф и Хродгар из Лейре на Зеландии прогнали викингов (wicinga cynn), а второй раз – в перечне тех народов или мест, где герой «Видсида» побывал, упоминая при этом свеев, гётов, вендов, вэрингов, викингов и др. Стоит обратить внимание, что в эпосе «Видсид» свеи, гёты, вэринги и викинги не смешиваются, а фигурируют как отдельные субъекты.

Другим источником для исследования слова викинг являются рунные камни. Например, в Швеции в рунной надписи на одном из камней, образовавших так называемый Västra Strömmonumentet в Сконе (конец X в.), сказано, что руны высечены в память Эсера, встретившего смерть на севере у викингов. На рунном камне в Упланд (U617) упоминается Ассур, сын ярла Хокана, который был участником обороны против викингов (vikinga vörðr). Датировка – не ранее XI в. (Грот 2012: 423-424).

Адам Бременский упоминает слово викинги (Wichhingos) только один раз и совершенно определённо говорит о викингах как о некоторой части пиратов, основным театром действия которых в его время были острова в западной части Балтийского моря: «От пиратских грабежей там (имеется в виду острова Зеландия, Фюн и др. – Л.Г.) собралось много золота. Морские разбойники, которых здешние жители называют викингами, а мои соотечественники – аскоманами, платят дань королю данов взамен позволения грабить жителей, населяющих берега этого моря…» (Adam av Bremen 1984: 87).

Сообщения о том, что балтийские пираты-викинги делились добычей с местными королями данов, хорошо знакомо из истории пиратства. Известно, что и английская корона, и французская корона имели связи с пиратами, обосновавшимися на какое-то время в водах Атлантики, и использовали их в своих интересах. Но корона всегда оставалась короной, а пиратство

– пиратством. Понятно также, что жители Скандинавского полуострова и южнобалтийского побережья при возможности уходили к пиратам, присоединялись к их разношёрстному братству, но пираты-викинги не состояли исключительно из скандинавов и вообще не выступали как общескандинавский феномен. Викингами, например, согласно «Кругу земному», назывались не только скандинавы. Викингами могли быть и венды, и пруссы, также пиратствовавшие в Балтийском море. Иначе говоря, викинги были профессией, а не этносом, в отличие, например, от летописных варягов, являвшихся этносом.

Важным источником, содержащим материалы о викингах, являются многие произведения исландской литературы. Например, в известной «Книге о занятии земли» (Landnámabók), повествующей о колонизации Исландии выходцами из Норвегии, упоминается целый ряд первопоселенцев, носивших прозвание викинга – víkingr mikill/великий викинг. Удивительного мало, поскольку первопоселенцами Исландии часто становились люди, оказавшиеся вне закона или как сейчас бы сказали, люди с криминальным прошлым. Среди таких викингов называли, например, Флоки Вильгердарсона (Flóki Vilgerðarson) – одного из открывателей Исландии, Ингимунда Старого (Ingimundr inn gamli), пиратствовавшего в районе Британских островов и др. (Askeberg 1944: 132).

Среди прославившихся викингов особо стоит отметить «великого викинга» Ольвира по прозвищу «Барнакарл» (Ǫlvir barnakarl), т.е. «чадолюбивый». Согласно шведскому филологу Свену Экбу, это прозвище Ольвир заслужил потому, что не насаживал младенцев на острие копья, в отличие от других викингов, тешивших себя подбной забавой (Ekbo 1947: 280). Такие вот были геройствующие молодцы!

Другим важным источником, где упоминаются викинги, являются исландские саги (родовые и королевские саги, саги о древних временах, псевдоисторические саги и др.). Шведский исследователь викингской тематики Ф. Аскеберг, рассматривая тексты саг, указывал, что в сагах слово викинг определенно имело значение пират, морской разбойник, грабитель. Чрезвычайно важно для нас его наблюдение о том, что в королевских сагах ни один правящий конунг викингом не именовался. Другое дело, подчеркивает Ф. Аскеберг, что конунги могли организовывать викингские, т.е. пиратские набеги, так сказать, из «государственных интересов», и даже участвовать в них. В качестве примеров он приводит Харальда Серую шкуру (960/961 – 970), жизнь которого проходила в грабительских, т.е. в викингских/пиратских походах, но королевские саги не называли его викингом или пиратом. То же самое говорит Ф. Аскеберг и об Олаве Трюггвасоне (963/968 – 1000). Олав большую часть жизни провел в скитаниях и где только ни сражался: на Балтике, в Англии, в Шотландии, в Ирландии, в Уэльсе и пр., но королевские саги, обращает внимание Ф. Аскеберг, не называют его викингом. Напротив, правящим конунгам приходилось защищаться от викингов/пиратов. Такие проблемы, например, были у Хокана Доброго (933-961) и у Олава Святого (1015-1028) (Askeberg 1944: 128-129).

Здесь надо вспомнить и о знаменитом Роллоне. Во время своей пиратской жизни его называли в сагах великим викингом – vikingr mikill. Однако став королевским зятем и получив графский титул, он перестал называться викингом. Но норманисты это в расчет не принимают, поскольку изо всех сил стараются поддерживать миф о викингах – основоположниках и зиждителях всего и везде, раскручиваемый и в наше время западноевропейской историографией и политикой.

И уж совсем некорректно называть викингами (т.е. пиратами) потомственного князя Рюрика (см. в первой части статьи, например, у Е.А. Мельниковой) или святого равноапостольного князя Владимира! Тем более, что пытаясь найти место исхода Рюрика из Скандинавии, норманисты потеряли почву под ногами в буквальном смысле слова, не учитывая феномен изостатического восстановления Фенноскандии и позднего образования прибрежной части восточной Уппландии или Рослагена/Руслагена. Поэтому образ Рюрика из Швеции «тонет» в волнах Ботнии.

Явным фальсификатом является попытка отождествить летописного князя Рюрика с так называемым Рориком Ютландским / Фрисландским, предпринимаемая некоторыми российскими норманистами. Летописного князя Рюрика призывали на княженье с двумя братьями Трувором и Синеусом, а у Рорика такие браться неизвестны. Фантазии с Рориком не принимаются датскими медиевистами, поскольку датские медиевисты хорошо владеют источниками по истории своей страны.

Никак не связывает этого Рорика с летописным Рюриком маститый датский археолог и историк Юханнес Брэндстед (1890-1965) в труде «Викинги дома и в походах», специально посвященном деяниям данов и других скандинавов за пределами Скандинавии (Bröndsted 1992: 40-41, 55).

Связь между названными историческими персонажами отрицает и современная датская исследовательница Эльсе Роэсдаль, являющаяся ведущим специалистом по истории Дании так называемого викингского периода (Roesdahl 2001: 294).

Выстраивая фальсификат о тождестве Рорика и князя Рюрика норманисты руководствуются единственным «аргументом» – совпадением их личных имен якобы скандинавского происхождения. Но этот аргумент давно лишен силы: имя Рюрик не является скандинавским (Грот 2015: 301-374). Не говоря уже о том, что сам подход определять этническую принадлежность какого-либо лица по его личному имени является абсолютно ненаучным наследием XVI-XVII вв. Любой родовой именослов в любом обозримом историческом времени составлялся из антропонимов смешанного происхождения, чему в немалой степени способствовали межродовые браки.

Здесь можно для примера обратится к имени Карлы из перечня имен послов князя Олега. Это имя явно заимствовано из западноевропейских именословов, где оно с VIII в. получило популярность благодаря тому, что его носил король франков Карл Великий, а вслед за ним – целый ряд королей Западно-франкского и Восточно-франкского королевств. Эти королевства были многочисленными нитями связаны со славянски-

ми княжествами, в том числе, через различные формы социального родства, включавшие и обмен личными именами. Так, имя представителя династии Каролингов короля Лотарингии Свендоболда (Swentibold, Zwentibold) было дано ему в честь его крестного отца князя Великой Моравии Святополка (правил в 850-894 гг.). Перечень имен послов князя Олега позволяет предположить, что в систему подобных общеевропейских кросскультурных связей входили и княжения Руси, причем подобные связи охватывали и знать меньшего ранга, примером чего служит имя Карлы из франкских именословов, которым был наречен один из послов князя Олега.

Но беда в том, что названная проблематика, которая интенсивно изучается в рамках этнографии и социальной антропологии, практически не привлекается при исследовании начального периода русской истории. И помехой тому служат законсервировавшиеся в российской исторической мысли старообразные ненаучные взгляды, одним из которых является утверждение о якобы скандинавском происхождении летописных личных имен – одного этого, дескать, вполне достаточно для воссоздания полной исторической картины. Даже упомянутое имя посла князя Олега Карлы норманисты зачисляют в скандинавские. Но тогда следуя их логике, надо и Карла Великого отнести к скандинавам, а империю Карла Великого также объявить результатом деяний неких скандинавов – викингов, смышленых в создании государственности где угодно, кроме своих родных земель. Выглядит абсурдно? Но таким же абсурдом является утверждение о создании некими викингами русской государственности на обширных просторах Русской равнины. И остается надеется, что российская историческая наука когда-нибудь очнется от летаргического сна скнадинавомании.

Теперь продолжим рассмотрение источников, где упоминаются викинги. Кроме саг викинги упоминаются в скальдической поэзии, и тоже – в значении «морской разбойник». Иначе говоря, слово викинг в скандинавских источниках было проникнуто негативным смыслом. Например, в саге об Александре (Alexanders saga) – переведенного с латыни жизнеописания Александра Великого, одного из отрицательных героев – предателя обозвали викингом, подчеркивая низость его натуры. Синонимом грабителя или преступника выступало слово викинг в юридических текстах (Gulatingslagen) (Askeberg 1944: 134).

Но когда в XIX в. поиски общескандинавской идентичности натолкнули скандинавских общественных и политических деятелей на мысль использовать в своих целях образ викинга, уже романтизированного в поэзии и в искусстве, то от источников отошли, и работа по созданию викингского мифа закипела.

В упомянутой работе Ф. Аскеберга приводится подробная историография вопроса о том, как чуть не с XVIII в. в скандинавских странах пытались отыскать скандинавскую «этимологию» к слову викинг. Её не нашли до сих пор, что говорит само за себя, хотя к решению этого вопроса были привлечены лучшие силы скандинавских ученых. Свой вклад внес даже и Ф. Аскеберг, хоть он прекрасно владел всем комплексом источников. Но он занимался исследованиями викингской темы в конце 30-х и в 40-х годах, в том числе и в Германии, и это определяло многое, о чем ниже. Ф. Аскеберг предложил производить слово викинг от глагола vikja – «поворачивать, отклоняться», и означавшего человека, покинувшего родные места.

Но как справедливо отметила Т.Н. Джаксон, уход из дома – не самое главное в характеристике викинга (Джаксон 1993: 82). Однако этимология Аскеберга – это на сегодня наиболее «авторитетная» этимология для попыток «оскандинавить» слово викинг. Я не привожу другие варианты, поскольку согласна с Фрэнсисом Бирном: слово викинг является заимствованным в скандинавских языках, и искать его «скандинавскую» этимологию также бессмысленно, как и «германскую» этимологию древнерусского слова варяг.

Возвращаясь к начальному этапу разработки «викингского» периода в истории, надо констатировать, что как и в случае с рудбекианизмом, гигантомания скандинавской официальной историографии по созданию нового образа викинга не получила бы общеевропейского резонанса, если бы не пришлась под стать политическим интересам на европейском континенте. Самый яркий пример из этой серии – нацистская Германия.

Политические мифы о викингах как основоположниках древнерусской государственности оказались востребованными идеологами нацистского рейха. Уже в «Майн кампф» А. Гитлер апеллировал к ведущей роли «германского элемента» в создании древнерусской государственности: «…организация русского государственного образования не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство...» (цит. по: Фомин 2005: 12). Бесспорным доказательством того, что нацистские идеологи использовали норманистские мифы, является создание дивизии СС «Викинг», в состав которой рекрутировались добровольцы из скандинавских стран, а также – из Нидерландов, Бельгии и др. Дивизия использовалась в боях против СССР, а затем на Восточном фронте (Польша, Венгрия, Австрия). Эсесовские «викинги» были единственными «викингами», ступавшими на русскую землю. Но они были быстро выброшены за пределы нашей страны, хотя выступали эти «викинги», как известно, не сами по себе, а в той или иной форме – в союзе с представителями всей Западной Европы. В памяти всплывает, например, и 33-я гренадерская дивизия СС «Шарлема́нь» (Waffen-Grenadier-Division der SS Charlemagne), созданная из французских добровольцев в феврале 1945 года. Солдаты этой дивизии даже в апреле 1945 года сражались на стороне нацистских войск при защите Берлина.

Приведенные примеры обнаруживают тот факт, что гитлеровские политтехнологи очень активно привлекали на службу своей политики образы западноевропейской истории. Косвенно это может касаться и исследований такого профессионального ученого, как Ф. Аскеберг в его попытках отыскать «германскую» этимологию для слова викинг.

А это, в свою очередь, позволяет напомнить о том, что традиция информационных войн, где в качестве оружия использовался материал исторического прошлого, имеет на Западе весьма почтенный возраст. В ряде работ я показываю, что феномен информационных войн с использованием в качестве оружия исторических фальсификатов, явно обнаруживается в западноевропейской истории уже в возрожденческой Италии (так называемая антиготская пропаганда итальянских гуманистов против немецкоязычного населения) и затем продолжает свое развитие на протяжении всего периода складывания национальных государств в Западной Европе (Грот 2015а).

Никуда названный феномен не исчез и в наши дни, чему примером та же викингская тема. За последнее время данная тема сильно пошла в рост и трансформировалась в крупные международные проекты, финансируемые из фондов Евросоюза и других фондов. Банальные средневековые пираты-викинги представляются сегодня под монументальными вывесками типа «Viking world» (Bizantium 2013), «Viking Age» (см., например: Byrne 2005) или «The Viking Phenomenon» (The Viking Phenomenon 2015).

Объяснить это несложно, если обратиться к таким истокам североевропейской общественной мысли как традиции готицизма – идейно-политического течения, становым хребтом которого была мысль о германских завоеваниях как причине возникновения государственности в Европе. Выше уже отмечалось, что с XVII в. североевропейский готицизм XVI в., в русле которого был создан образ великих готов как завоевателей мира и героических предков германских народов, привлек внимание английских историков. В их трудах стала пропагандироваться мысль о том, что англосаксы тоже относятся к древним германцам и наследникам готов (Джеймс Тюрелль, Уильям Темпль и др.). И как преемники «готского» наследия англосаксы якобы обладают историческим правом выступать завоевателями – устроителями новых государств. В ходе роста британских колониальных завоеваний концепции готицизма хорошо работали на идею о праве Британии на мировое господство.

Кроме того в концепциях готицизма кроется и ответ на вопрос об истоках и природе западноевропейской русофобии. Параллельно с идеями о великой созидательной природе гото-германских предков немецкими историками-готицистами создавались теории о варварстве и неспособности к цивилизованному развитию славянских народов. Эти теории также были унаследованы английским готицизмом и породили русофобию, столь ярко проявившуюся в нынешней западноевропейской политике против России. На эту политику работает сегодня и раскрученный когда-то скандинавскими деятелями образ викинга как общеевропейского завоевателя и преобразователя. Миф о пришельцах-викингах, якобы основавших древнерусское государство, ненавязчиво подается как историческая «аргументация» в поддержку идеи закономерности внешнего управления для России. Название викинги сделалось сейчас синонимом скандинавов и потеснило их прежний синоним норманны – искуственное тождество, также рожденное в купели политического мифа. Поэтому в современной норманистской литературе и выдуманное «скандинавство» варягов постарались подменить именем викингов, хотя для этого нет никаких подтверждений в источниках. Заявления норманистов о том, что дескать викингов в Восточной Европе называли варягами не имеет оснований в исторических источниках.

Одной из норманистских методик при создании фальсификатов русской истории является простейшая подмена системы доказательств. И лучшим примером тому являются как раз норманистские «доказательства» идеи о якобы скандинавском происхождении летописных варягов. Исследование «варяжского вопроса» норманисты стали предлагать проводить с помощью лингвистической казуистики, подменяя анализ исторических источников анализом… значения слова варяг. Путь этот был изначально порочный и ведущий в тупик, поскольку он уводил исследование из области исторической в область истории языка – самостоятельной отрасли науки. Собственно, в истории других народов этимологии этнонимов считаются вопросом второстепенного значения.

Но и с этимологизированием слова варяг норманисты однозначно запутались. Корень var-, значение которого от др.-герм. wara (‘обет’, ‘присяга’, ‘клятва’) производил А.А. Куник (Куник 1875), затем развил М.Фасмер – от vár «верность, порука, обет» (Фасмер 1986), а современные норманисты, опираясь на приведенные трактовки, объявляют древнескандинавским, таковым не является.

Корень var- принадлежит к архаичным пластам индоевропейских языков. О его связи с санскритом в значении «вода» писал ещё А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003: 238-241). Как всякая древняя морфема, корень var- в процессе исторического развития индоевропейских языков получал новые значения. Так, значение var- как «обет, клятва» обнаруживается в древнеиранских языках. В ритуальных действиях древних иранцев известна торжественная клятва, называвшаяся *варуна. По предположению британской иранистки М. Бойс, происходит от индоевропейского корня вер – «связывать» (Бойс 1988: 15-16). Лексика из древних индоевропейских культурно-языковых пластов заимствовалась более молодыми индоевропейскими языками, в частности, германскими, где адаптировалась к особенностям новой языковой среды. Но эти процессы, как уже сказано, относятся к области истории языка, и с историей народа варягов конкретно не связаны.

Подменив изучение истории народа варягов толкованием этимологии слова варяг, норманизм буквально на пустом месте создал «варяжский вопрос», запутав его до основания. И эта путаница потянулась через столетия, разлагая российскую историческую мысль и превращая её в легкую добычу для очередных западноевропейских политических мифов. К сожалению, весь набор стереотипов норманизма – порождение политических мифов – закрепился в российской исторической мысли на волне получивших большое влияние западноевропейских политических течений.

Теперь стоит несколько подробнее рассмотреть вопрос о том, как фантазии шведских политических

мифов получили распространение и признание в российском обществе. Выше уже было отмечено, что в XVII-XVIII вв. идеи шведских писателей с фантазиями об особой роли предков шведских королей в Восточной Европе, и прежде всего «Атлантида» Рудбека, распространялись шведскими общественными деятелями и деятелями культуры в европейских странах в XVII-XVIII вв.

Удалось наладить распространение шведского мифа и в России благодаря контактам, установленным шведами с немецкими академиками Г.З. Байером и Г.Ф. Миллером в Петербурге. Именно Байер и Миллер стали первыми транслировать в российском обществе и фантазии Рудбека, и другие мифы шведских авторов с их концепцией вымышленной древней истории шведов в Восточной Европе. И если шведская политика, нацеленная на возврат русских земель, оккупированных Швецией в период Смутного времени, потерпела поражение, то шведские усилия по распространению шведского политического мифа, переформатировавшего русскую историю, увенчались успехом: этот миф перешел в работы историков, как российских, так и западноевропейских.

Позиции сторонников норманистской «теории» укреплялись по мере нарастания в российском обществе в XIX в. влияния либеральной и иной «прогрессивно-демократической» мысли. И укреплялись они, как отмечал В.В. Фомин, несмотря на явные недоразумения, которыми так полна норманская теория, несмотря на очевидное стремление её приверженцев, по замечанию С.А. Гедеонова, обсуждать русские древности с точки зрения скандинавского догмата, плодом чего явились многочисленные ошибки и заблуждения. В российской науке и в российском обществе той поры господствовало мнение, суть которого емко выразил М.О. Коялович: признавать норманизм – «дело науки, не признавать – ненаучно». И как считали норманисты тогда, так считают и сейчас – антинорманистами двигала не наука, а якобы «патриотизм» и даже «национализм», в то время как, согласно анализу этой научной аномалии И. Филевичем, «крайностям немецкой школы... наша наука внимала с благоговением, в полном убеждении, что это последнее слово в науке» (Фомин 2005: 132).

Известный русский историк И.Е. Забелин (1820-1909) подчеркивал, что «...Мнение о норманстве руси поступило даже посредством учебников в общий оборот народного образования. Мы давно уже заучиваем наизусть эту истину как непогрешимый догмат» (Забелин 1876).

Как видим, укоренение норманизма в российской науке проходило не на основе научного анализа, а на основе слепой веры в Запад, в силу убеждения, что раз идея о норманстве Руси пришла из Западной Европы, то это последнее слово в науке. Распространению её в обществе способствовало внедрение идеи о норманстве Руси в систему народного образования, т.е. придание ей статуса официально признанного учения. И все это, повторяю, было основано на слепой вере в западноевропейские утопии, а не на результатах научных исследований.

Вследствие того, что норманистский взгляд на русские древности, отмечает В.В. Фомин, был освящен западноевропейской историографией, его небывалому размаху в России содействовала атмосфера, которая не благоприятствовала антинорманистским изысканиям. В подтверждение В.В. Фомин приводит слова известного историка Н.П. Загоскина (1851-1912), писавшего, что либеральные и левые силы монополизировали в российской исторической науке право на истину и тщательно ограждали эту монополию от любых посягательств (Фомин 2005: 132).

Н.П. Загоскин писал, что поднимать голос против норманизма «считалось дерзостью, признаком невежественности и отсутствия эрудиции, объявлялось почти святотатством. Насмешки и упреки в вандализме устремлялись на головы лиц, которые позволили себе протестовать против учения норманизма. Это был какой-то научный террор, с которым очень трудно было бороться» (Загоскин 1899: 336).

Не правда ли, как это похоже на наши дни? Признавать норманизм, т.е. признавать летописного Рюрика не потомственным князем, а безродным отщепенцем, пришедшим невесть откуда – это дело науки, не признавать – ненаучно. Признавать сомнительное лингвистическое построение, производящее имя Руси от гребоманов – это дело науки, не признавать – ненаучно. Признавать летописных варягов вразрез с источниками скандинавской «организацией», а не народом – дело науки, не признавать – ненаучно.

Норманизм и его апологеты не меняются, поскольку норманизм не обладает способностью к развитию. Но тогда пресловутая дискуссия норманистов и антинорманистов – это миф. Дискуссия может идти при условии, если сторонники различных взглядов приводят аргументы, основанные на фактах. А если одна из сторон действует с позиций научного террора, то это лишает дискуссию основы. Если другая сторона указывает на многочисленные ошибки и заблуждения оппонента, а оппонент в ответ заявляет «А Вы – патриот!», то обсуждение не может быть продолжено, поскольку переходит в стадию абсурда.

Именно так шло развитие норманизма в России в XIX – начале XX вв. – в форме непогрешимомго догмата, а не научной гипотезы. И таким же образом, т.е. поддерживаемый исключительно политикой, продолжал норманизм развиваться далее. В советское время либеральное движение перестало существовать, но норманизм оказался под защитой марксизма, поскольку норманский период в древнерусской истории был упомянут Марксом в одной из его статей (Marx 1990), а куда же было деваться советским историкам от высказываний Маркса? Потому все официальные советские справочные издания, включая БСЭ, продолжали заявлять о варягах как о скандинавах (Грот 2013).

Правда, некоторое формальное различие между советским норманизмом довоенного времени и послевоенного времени все-таки существовало. В первом издании БСЭ (1928) категорически заявлялось, что варяги – это древнерусское название скандинавов и что это было установлено ещё в XVIII в., но что великорусский шовинизм чувствовал себя обиженным «немецким»

происхождением первых русских «государей» – и с XVIII в. тянется ряд попыток доказать «истинно-славянское» их происхождение, но научного значения эти попытки не имели (Варяги и варяжский вопрос 1928).

Как видим, советская историография по варяжскому вопросу в свой начальный период сохранила уничижительное отношение к антинорманизму и даже усилила его: прежний «патриотизм» усугубился такой характеристикой как «великорусский шовинизм». Однако после войны стало неудобно делать акцент на «немецком» происхождении летописных князей. Но помогло то, что в центр исследований было поставлено основное теоретическое положение марксизма о ведущей роли экономического фактора в развитии общественных отношений и складывания на его основе классового общества и государства. Это убирало вопрос о роли династии в данном процессе, пришлой или местной.

Но при этом, отмечал В.В. Фомин, не подвергался сомнению основополагающий пункт норманизма о скандинавстве летописных варягов. Только стало разъясняться, что скандинавско-норманская династия Рюриковичей быстро слилась со славянской правящей верхушкой и стала бороться за ее интересы, поэтому признание скандинавского происхождения династии русских князей или наличия норманнов-варягов на Руси, их активной роли в жизни и деятельности древнерусских дружин отнюдь еще не является норманизмом (Фомин 2005: 147-199).

Ну, чем не современные норманисты! Именно так пишет и Л.С. Клейн, обижаясь на антинорманистов за то, что «в нор¬ма¬ни¬сты для них попа¬дал вся¬кий, кто счи¬тал, что варя¬ги были скан¬ди¬на¬ва¬ми, нор¬ман¬на-ми». Но это – объективный критерий определения норманизма! Именно с этого начинался шведский политический миф (см. выше о П. Петрее, о шведском фальсификате протокола переговоров в Выборге в августе 1613 г. и пр.): создание шведскими сановниками фальсификатов о Рюрике и варягах из Швеции делало возможным для шведских политиков использовать эти фальсификаты для обоснования некоего исторического права шведских королей на восточноевропейские земли, так сказать, обоснование исторической законности сначала завоеваний русских земель, а после Столбово – и их оккупации.

Вышеприведенное разъяснение советской историографии относительно того, что идея скандинавского происхождения варягов не является норманизмом, позволило подавляющей массе ученых в СССР начать именовать себя антинорманистами. Таким образом, «антинорманизм» советского времени, который В.В. Фомин охарактеризовал как псевдоантинорманизм, признавал все постулаты норманизма, но в уменьшенном формате, уверяя, что скандинавы на Руси были, но их было мало. А истинными норманистами объявлялись те, кто считали, что скандинавов на Руси было много. Вот сторонников таких взглядов и надо было клеймить, как буржуазную антинауку.

В постсоветский период в жизнь российского общества вернулся либерализм, и норманизм традиционно стал получать поддержку с этой стороны. Норманисты начали представлять себя жертвами советской системы, гонимыми и преследуемыми, что как видно из вышеприведенного, является ещё одним мифом.

Так, поддержка влиятельных политических сил обеспечила норманизму его долгожительство и возможность искажать русскую историю вплоть до наших дней.

Теперь надо вернуться к самому началу статьи в её первой части и к приведенной там характеристике моей статьи, данной Л.С. Клейном. Она интересна тем, что является вопиющим примером передергивания моих слов из упомянутой Л.С. Клейном статьи.

Уже её первая фраза о том, как я рассматриваю начальный период русской истории, является совершенной выдумкой: «Она рассматривает дискуссию о начальных годах Руси как столкновение двух мифов, как идеологическую борьбу – вполне в советском духе».

Никакого столкновения двух мифов у меня нет и в помине. В статье четко сказано, что один у нас миф – норманизм. Почему норманизм следует определять как миф, я показала и в упомянутой Клейном статье, и в обеих частях нынешней статьи: ни один из постулатов норманизма не имеет под собой научно обоснованной аргументации, т.е. норманизм не является наукой. И я даю этому объяснение: все постулаты норманизма – тиражирование западноевропейских политических мифов и подгонка под них событий русской истории.

Поэтому если и говорить о столкновении, то имеет место столкновение норманизма как мифа или как ненауки с существовавшей в России исторической традицией. И прежде всего, – с древнерусской исторической традицией, знавшей об исконных восточноевропейских корнях Руси и русов. Напомню вкратце, какими источниками мы можем располагать в данном случае.

Важнейшим источником, представляющим эту традицию, являются, конечно, русские летописи. Но работа с ними должна быть очищена от норманистских фальсификатов (примеры фальсифицирования я приводила в обеих частях данной статьи). Особо надо упомянуть Новгородскую Иоакимовскую летопись, где рассказывается, откуда был призван Рюрик. После издания монографии С.Н. Азбелева (Азбелев 2016: 14-42) норманистам все труднее будет отрицать её историческую ценность, но такие попытки будут предприниматься (см. мою рецензию на неё в журнале «Исторический формат», № 3-4/2017).

Следующим типом русских источников, в которых запечатлелась архаика русской истории, являются произведения устной традиции, т.е. былины, сказания и др. Большой ценностью обладают такие источники, как «Сказание о Словене и Русе» и Голубиная книга. Эти источники относят начало русской истории в Восточной Европе к древнейшему периоду восточноевропейской истории (Грот 2016а). Следовательно, данные этих источников соответствуют выводам ДНК-генеалогии относительно расселения на Русской равнине носителей гаплогруппы R1a-Z280, имеющейся у большинства мужского населения русских, украинцев и белорусов.

Сохранилось немалое количество и других источников, где упоминается о Руси и русах задолго до призвания Рюрика.

Наиболее раннее упоминание Русской земли содержится в древнеиндийском эпосе «Махабхарата», где

в одной из книг рассказывается о стране Расатала, т.е. о Русской земле (Махабхарата 1985: 282-283).

Сведения о русах в Восточной Европе в ранние исторические периоды содержатся и в других иностранных источниках. Есть интересные известия о русах в одной из схолий к трактату Аристотеля «О небе»: «..скифы-русь и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу, а эфиопы, арабы и другие – к летнему тропическому» (Латышев 1890: 385).

Это сообщение интересно сравнить со сведениями синодальной рукописи под №110, содержащей творения св. Мефодия Патарского, в толковании на кн. Бытия, гл.10, ст.2, где также сообщается о русах: «Магог от сего суть вси языци иж живут на полунощи. Козари, руси, обри, болгари и ини вси» (см. Описан. слав. рукоп. моск. синод. библ., отд. V. стр. 31). Сообщение это могло быть внесено в сочинения св. Мефодия только после его смерти (согласно Дмитрию Ростовскому, смерть св. Мефодия наступила в 310-312 гг.), поскольку первое появление упомянутых в перечне народов (хазар, авар, булгар) растянуто в Восточной Европе от середины IV в. до сер. V в. (Дьяченко 1993: 556).

В схолии же к трактату «О небе» названные тюркские народы не упоминаются, следовательно, схолия могла быть написана не позднее конца IV в. Но и в источниках VI-VII вв. русы продолжают упоминаться под сдвоенным именем как скифы-русы. Эти источники сохранились в манускрипте, составленном Георгием Мтацминдели в 1042 г., где есть сочинение «Осада Константинополя скифами, кои суть русские» и где рассказывается об участии скифов-русов в событиях VI-VII вв. (Грузинский пергаментный манускрипт 1900/1901: 230-233).

О Руси и ее правителях этого же периода сообщалось и в древненемецких сказаниях о Тидреке Бернском, вошедших в науку как Тидрексага. Этот источник, как известно, передает эпическое наследие, восходящее к событиям V в. – войнам гуннов во главе с Аттилой и готов во главе с Теодорихом. Но кроме гуннского и готского правителей в ней фигурировали Илья Русский и русский король Владимир, правивший, согласно Тидрексаге, в V веке. Территория, подвластная, согласно Тидрексаге, эпическому Владимиру, включала земли от моря до моря, простираясь далеко на восток, и превосходила размеры Киевского государства X в. (Sagan 1830-1854). Выдающийся российский историк С.Н. Азбелев блестяще доказал, что русский король Владимир из Тидрексаги совпадает с образом эпического князя Владимира из русских былин, бывшего правителем Руси в период, когда она подверглась нашествиям гуннов (Азбелев 2007: 43). Именно этот Владимир, полное имя которого было Владимир Всеславич, прозывался Владимиром Красное Солнышко, что согласно моим исследованиям, маркировало его конфессиональную характеристику – поклонение богу в образе Солнца, т.е. систему древнерусских дохристианских верований.

Большой объем информации о русах содержится у восточных авторов, начиная с IV в., о чем подробно рассказывается в одной из последних монографий В.В. Фомина. Это такие авторы как сирийский автор IV в. Ефрем Сирин и сирийский автор VI в. Захарий Ритор (Псевдо-Захарий). О русах периода VI-VII вв. рассказывают ас-Са´алиби, Захир ад-дин Мар´аши, ат-Табари и др. В «Житии святого Стефана Сурожского» (ум. 787) рассказывается о нападении в конце VIII в. на Сурож (Судак) в Крыму русов во главе с князем Бравлином. Ещё в одном житии – «Житии святого Георгия Амастридского» говорится о набеге русов на Амастриду, предположительно, в начале 830-х годов. О нападении русов на Константинополь в 860 году рассказывается в гомилиях константинопольского патриарха Фотия (820-896) (Фомин 2015: 10-17).

Древнерусскую историческую традицию, хранившую знания о древних исконных восточноевропейских корнях Руси, отстаивали В.Н. Татищев и М.В. Ломоносов. А их взгляды перекликались как с античной традицией, так и с наследовавшими её традициями западноевропейских гуманистов XV-XVI вв. О русских как о народе с древними восточноевропейскими корнями писали многие западноевропейские авторы XV-XVI вв.: географ Э.С. Пикколомини, итальянский историк Ф. Каллимах, польский историк М. Меховский, польский историк Дециус (1521), немецкий историк И. Хонтер (1498-1549), чешский историк Ян Матиаш из Судет, немецкий историк и богослов Альберт Кранц и др.

Особо следует отметить такой западноевропейский источник как записки французского писателя и путешественника Ксавье Мармье (1808-1892), сделанные во время его поездок по Мекленбургу во второй половине 1830-х годов (Жих 2016: 9-61).

В своих поездках по Мекленбургу К. Мармье, записывая народные легенды и предания, записал и легенду о Рюрике, сыне ободритского князя Годлава. Эти записки – результат полевых исследований К. Мармье, т.е. это добротный этнографический источник, представляющий большую ценность для изучения русской истории периода призвания варягов. Он тем более важен, что хорошо дополняет другой немецкий источник – генеалогии Мекленбургского герцогского дома (Меркулов 2003; 2008; 2012; 2015). Такой источник как «Записки К. Мармье» должен занять достойное место в источниковедческой базе данных, а не отметаться в угоду неправдоподобных скандинавских «этимологий».

Из исторических произведений на русском языке, сохранивших сведения о древних корнях русской истории, следует назвать первый русский учебник по российской истории, известный под названием «Киевский Синопсис», изданный в 1674 и затем переиздававшийся в течение XVII-XIX веков более 30 раз. Автором его считается архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель (1600-1683) родом из Кёнигсберга (Сапожникова, Сапожников 2006).

Кроме «Синопсиса» важное значение имеет «История о начале Русской земли и о создании Новгорода» иеродиакона Холопьего монастыря на реке Мологе Тимофея Каменевича-Рвовского (Каменевич-Рвовский 2004: 46-61).

Я перечислила здесь только часть источников, где упоминаются русы – участники исторических событий в Восточной Европе, начиная с древнейших времен, т.е. русы – явно не имеющие ничего общего с какими-то выходцами из Скандинавии. Источники эти хорошо известны, но норманисты отрицают либо их историче-

скую достоверность, либо их причастность к русской истории. И все это для того, чтобы «расчистить» историческое поле для давно скомпрометировавшего себя образа гребоманов как основоположников русской государственности из несуществовавшей во времена Рюрика Свеяланд.

Как видим, разрушения, нанесенные последователями норманистского мифа русской истории, беспрецедентны. Именно поэтому я вместе с моими коллегами считаю необходимым выступать против той деструктивной роли, которую играют ненаучные постулаты норманизма, и по мере сил пытаюсь вернуть в российскую историческую науку изгнанную норманизмом научную традицию, основанную на источниках.

Таким образом, моя позиция предельно ясна: она направлена против мифа норманизма как ненауки и за возрождение научной традиции в изучении начального периода русской истории. А что мы видим в статье Л.С. Клейна? Знакомое передергивание и приписывание мне его собственных фантазий: «И, выступая в защиту одного из этих мифов, как ей представляется, патриотического, ощущает себя в Швеции на передовых позициях фронта идеологической схватки».

Нарекая под сурдинку антинорманизм одним из мифов, Л.С. Клейн пускается здесь в откровенную демагогию, приписывая мне вымышленные ощущения, выгодные ему. Но во-первых, в научной статье не принято разбираться с ощущениями других авторов, а положено давать анализ авторских идей и следующих из этих идей выводов. А во-вторых, я показала, что как раз все постулаты норманизма – это мифы, при этом мифы, питавшие романтизированный патриотизм сначала скандинавских стран, а сейчас – «большую игру» более глобального мира. И почему российская историческая наука, по мнению Л.С. Клейна, должна быть поставлена на службу романтизированного патриотизма «потомков готов» из «мира викингов», а понятие «научный патриотизм», введенное А.А. Клёсовым, не имеет права на существование? Вполне удачный термин, тем более, что именно на научном патриотизме или как я определяла, на основе концепции «светлого прошлого» и выросли национальные государства Западной Европы.

И по какому праву критикует Л.С. Клейн позицию В.Р. Мединского относительно подвига героев-панфиловцев, если вся деятельность самого Л.С. Клейна направлена на укоренение в руской истории образов фантомных героев-скандинавов, в пользу которых были обворованы истории летописных варягов и западноевропейских норманнов и героизирована фальшивая история викингов?

Вывод моей статьи кратко дан в последнем абзаце: «Русская история должна быть освобождена от политического мифа норманизма. Если в России и нужно создавать политические мифы, то они должны питать национальные интересы страны, а не быть им чуждыми. Но для меня, как историка, важнее показать, что норманизм имеет ненаучную гносеологию, и именно поэтому ему не место в исторической науке». Но как раз этих последних слов Л.С. Клейн замечать не хочет.

В завершение разбора мифов норманизма полагаю, пора поставить вопрос о том, что будет с российской исторической наукой, если норманистские мифы будут сохранять в ней свои позиции?

Рожденный политикой, к тому же политикой, враждебной России, норманизм будет продолжать оказывать разрушительное влияние, во-первых, на изучение в русской истории таких основополагающих теоретических проблем как древнерусский политогенез, генезис института верховной власти, развитие древнерусских городов, освоение речных путей Восточной Европы и др., причем на изучение в соответствии с современными требованиями к науке. Во-вторых, объективно выступая препятствием на пути создания полноценной концепции русской истории от её истоков, мифы норманизма препятствуют решению таких остро актуальных проблем современности, как утверждение консолидирующей российское общество национальной идеи и воспитание на её основе здоровой национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев 2007 - Азбелев С.Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. 294 с.

Азбелев 2016 - Азбелев С.Н. Летописание Великого Новгорода. М.; СПб., 2016. 279 с.

Бойс 1988 - Бойс М. Зороастрийцы. М., 1988. 302 с.

Варяги и варяжский вопрос 1928 - Варяги и варяжский вопрос // Большая советская энциклопедия / Под редакцией Н.И. Бухарина, В.В. Куйбышева, М.Н. Покровского. Т. 9. М., 1928.

Вольфрам 2003 - Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. 656 с.

Глазырина 1996 - Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. 237 с.

Грот 2015а - Грот Л.П. Война информационная против России и её исторические истоки. 2015 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2015/05/vojna-informazionnaya/ (дата обращения - 08.05.2018).

Грот 2010 - Грот Л.П. Путь норманизма от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии / Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 2. М., 2010. С. 103-202.

Грот 2011 - Грот Л.П. О викингах: с рогами и без рогов. 2011 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2011/11/vikings/ (дата обращения - 23.11.2018).

Грот 2012 - Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове / Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 3. М., 2012. С. 311-553.

Грот 2012а - Грот Л.П. Шведские ученые как наставники востоковеда Г.З. Байера в изучении древнерусской истории // Вестник Липецкого государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 1 (6). С. 35-46.

Грот 2013 - Грот Л.П. Куда же было деваться советским историкам от Маркса?! 2013 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/12/marksizm-normanizm/ (дата обращения - 16.12.2018).

Грот 2015 - Грот Л.П. Древнерусские города: при чем здесь скандинавы? 2015 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2015/03/drevnerusskie-goroda/ (дата обращения - 04.03.2018).

Грот 2015б - Грот Л.П. Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти // Варяги и Русь / Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 5. М., 2015. С. 245-500.

Грот 2016 - Грот Л.П. Как летописная чудь превратилась в «эстонские племена» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 1 (154). С. 93-100.

Грот 2016А - Грот Л.П. Русь, русы и арии на Русской равнине в древности. 2016 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2016/05/rusi-na-russkoj-ravnine/ (дата обращения - 09.05.2018).

Грот 2017 - Грот Л.П. Идея финно-угорского субстрата в Восточной Европе и шведский политический миф XVII-XVIII вв. // Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X-XXI вв. / Материалы XIV Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2017. 407 с.

Грот 2017а - Грот Л.П. Начало русской истории и шведский политический миф XVII-XVIII веков // Вестник Новгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Материалы XVI Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения»). 2017. № 2 (100). С.19-23.

Грот 2018 - Грот Л.П. Обзор современного норманизма // Исторический формат. 2018. № 1.

Грузинский пергаментный манускрипт 1900/1901 - Грузинский пергаментный манускрипт 1042 года об осаде Царь-града русскими в 626 году // Вестник всемирной истории. Ежемесячный журнал исторической литературы и науки. Декабрь. № 1. СПб., 1900/1901. 811 с.

Джаксон 1993 - Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993. 304 с.

Дьяченко 1993 - Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993. 1158 с.

Жих 2016 - Жих М.И. Xavier Marmier. Le Mecklembourg / Ксавье Мармье. Мекленбург. Русский перевод Записок о путешествии Ксавье Мармье в Мекленбург) // Исторический формат. 2016. № 3. С. 9-61.

Забелин 1876 - Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. 654 с.

Загоскин 1899 - Загоскин Н.П. История права русского народа. Казань, 1899. 512 с.

Каменевич-Рвовский 2004 - Каменевич-Рвовский Т. История о начале Русской земли и о создании Новгорода // Сказания Новгорода Великого (IX-XIV вв.) / Составление, перевод, комментарии и вступительная статья Ю.К. Бегунова. СПб., 2004. С. 46-61.

Клёсов 2013 - Клёсов А.А. Ответы дает ДНК-генеалогия. 2013 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/ (дата обращения - 06.02.2018).

Кузьмин 2005 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2005. 428 с.

Куник 1875 - Куник А.А. Дополнения // Дорн Б. Каспий. СПб., 1875.

Латышев 1890 - Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. 296 с.

Махабхарата 1985 - Махабхарата. Выпуск III. Эпизоды из книг III, IV. Издание второе. Перевод, введение, примечания и толковый словаь академика АН СССР Б.Л. Смирнова. Ашхабад, 1985. 488 с.

Меркулов 2003 - Меркулов В.И. Варяго-русский вопрос в немецкой историографии первой половины XVIII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003.

Меркулов 2008 - Меркулов В.И. Мекленбургская генеалогическая традиция о Древней Руси // Труды Института российской истории РАН. 2008. № 7. С. 8 -28.

Меркулов 2012 - Меркулов В.И. Из окна в Европу увидели Рюрика // Родина. 2012. № 5. С. 64-67.

Меркулов 2015 - Меркулов В.И. Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Иоганна Фридриха Хемница // Исторический формат. 2015. № 2. С. 54 -74.

Рат-Вег 1987 - Рат-Вег И. Комедия книги. М., 1987.

Сапожникова, Сапожников 2006 - Сапожникова И.Ю., Сапожников О.Я. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). М., 2006. 248 с.

Фомин 2015 - Фомин В.В. Варяги и Русь // Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 5. М., 2015. 500 с.

Adam av Bremen 1984 - Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svenberg. Kommenterad av Carl Fredrik Hallencreutz, Kurt Johannesson, Tore Nyberg, Anders Pilz. Proprius förlag. Stockholm, 1984. 430s.

Askerberg 1944 - Askerberg F. Norden och kontinenten i gammal tid. Uppsala, 1944. 201 s.

Bröndsted 1992 - Bröndsted J. Vikingarna hemma och i härnad. Stockholm, 1992. 264 s.

Byrne 2005 - Byrne F.J. The Viking age // A New History of Ireland. I. Prehistoric and early Ireland / Ed. Dáibhí ó Cróinín. Oxford, 2005. S. 609-634.

Byzantium 2013 - Byzantium and the Viking World. Uppsala universitetet, 2013. 463 s.

Ekbo 1947 - Ekbo S. Nordiska personnamn under vikinga- och medeltiden // Nordisk kultur. Personnamn. Stockholm; Oslo; København, 1947. S. 267-284.

Gibbon 1952 - Gibbon E. The histoty of the Decline and Fall of the Roman Empire. Great books of the Western World 40-41. Lausanne, 1952.

Harrison 2009 - Harrison D. Sveriges historia. 600-1350. Stockholm, 2009. 502 s.

Haslag 1963 - Haslag J. «Gotic» im 17. und 18. Jarhundert. Köln, 1963. 203 s.

Hägg 2003 - Hägg G. Svenskhetens historia. 2003. 352 s.

Isberg 1973 - Isberg A. Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617-1704 // Studia historico-ecclesiastica Upsalensia 23. Uppsala, 1973. 163 s.

Lindkvist, Sjöberg 2008 - Lindkvist Th., Sjöberg M. Det svenska samhället 800-1720. Klerkernas och adelns tid. Andra upplaga. Studentlitteratur, 2008. 476 s.

Magnus Olaus 1912 - Magnus Olaus. Historia om de nordiska folken. Andra delen. Fjärde boken. Fjärde kapitlet. Om de fem olika språk i de nordiska länderna. Uppsala-Stockholm, 1912. 330 s.

Marx 1990 - Marx K. 1700-talets hemliga diplomati. Värnamo, 1990. 163 s.

Montesquieu 1990 - Montesquieu Ch.L. Om lagarnas anda. Stockholm, 1990. 396 s.

Nordin 2000 - Nordin J. Ett fattig men fritt folk. Stokholm / Stehag, 2000. 527 s.

Nordström 1934 - Nordström J. De yverbornas ö. Sextonhudratalsstudier. Stockholm, 1934. 198 s.

Nordström 1973 - Nordström J. Goter och spanjorer. Till spanska gotisismens historia // Lychnos. 1971-1972. Stockholm, 1973. S. 171ff.

Nordström 1975 - Nordström J. Johannes Magnus och den götiska romantiken. Akademiska föreläsningar 1929. Stockholm, 1975. 232 s.

Persson, Oldrup 2010 - Persson Å., Oldrup Th. 101 historiska myter. Lund, 2010. 221 s.

Roesdahl 2001 - Roesdahl E. Vikingernes verden. København, 2001. 324 s.

Rudbeck 1937 - Rudbeck O. Atland eller Manheim. Första delen. Uppsala; Stockholm, 1937. 590 s.

Rudbeck 1947 - Rudbeck O. Atlands eller Manheims. Tredje delen. Uppsala och Stockholm, 1947. 777 s.

Sagan 1830-1854 - Sagan om Didrik af Bern, utgiven av Gunnar Olof Hylten-Cavallius. Stockholm, 1830-1854. 487 s.

Scarin 1734 - Scarin Algot. De originibus priscae gentis varegorum. Diss. Aboae, 1734. 84 s.

Schűck 1932 - Schűck H. KGL. Vitterhets historie och antikvitets akademien. Dess förhistoria och historia. Stockholm, 1932.

Schück 1932-1944 - Schück H. Den äldre Peringskiölds tid // KGL. Vitterhets historie och Antikvitets akademien. Dess förhistoria och historia. I-VIII. B. IV. Stockholm, 1932-1944.

Svennung 1967 - Svennung J. Zur Geschichte des goticismus. Stockholm, 1967. 118 s.

The Viking Phenomenon 2015 - The Viking Phenomenon. 2015 / Электронный ресурс: https://www.arkeologi.uu.se/Research/Projects/viking-phenomenon/ (дата обращения - 12.12.2018).

Ustvedt 2004 - Ustvedt Y. Verre enn sitt rykte: vikingene slik ofrene så dem. Cappelen, 2004. 314 s.

Wallase 2000 - Wallase P.F. Garrda and airbeada: the plot thickens in Viking Dublin // In A.P.Smyth (ed.), Seanchas: Essays in Early and Medieval Irish Archaeology, History and Litterature in Honour of F.J. Byrne. Dublin, 2000. S. 261-274.

Wallase 2008 - Wallase P.F. Irish Archaeology and the Recognition of Ethnic Difference in Viking Dublin // Evaluating Multiple Narratives / Ed. Junko Habu, Clare Fawcett, John M. Matsunaga. New York, 2008. S. 166-182.

Warages 1756 - Warages, les, hist.de Russie // Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers… Paris, 1756. XVII, 589 s.

REFERENCES

Merkulov 2003 - Merkulov V.I. Varjago-russkij vopros v nemeckoj istoriografii pervoj poloviny XVIII veka. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Varyago-russky a question in the German historiography of the first half of the 18th century. The thesis for degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 2003 [in Russian].

Merkulov 2008 - Merkulov V.I. Meklenburgskaja genealogicheskaja tradicija o Drevnej Rusi [Mecklenburg genealogical tradition about Ancient Russia], in: Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN [Works of Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences], 2008, № 7, pp. 8 -28 [in Russian].

Merkulov 2012 - Merkulov V.I. Iz okna v Evropu uvideli Rjurika [From a window to Europe saw Rurik], in: Rodina [Homeland], 2012, № 5, pp. 64-67 [in Russian].

Merkulov 2015 - Merkulov V.I. Rjurik i pervye russkie knjaz'ja v «Genealogii» Ioganna Fridriha Hemnica [Rurik and first princes of the Rus in the Genealogy by Johann Friedrich Chemnitius], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2, pp. 54-74 [in Russian].

Adam av Bremen 1984 - Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svenberg. Kommenterad av Carl Fredrik Hallencreutz, Kurt Johannesson, Tore Nyberg, Anders Pilz [History of the Archbishops of Hamburg-Bremen, translated by Emanuel Svenberg, commended by Carl Fredrik Hallencreutz, Kurt Johannesson, Tore Nyberg, Anders Pilz], Stockholm, 1984, 430 p. [in Swedish].

Askeberg 1944 - Askeberg F. Norden och kontinenten i gammal tid [Scandinavia and the European continent in the old days], Uppsala, 1944, 201 p. [in Swedish].

Azbelev 2007 - Azbelev S.N. Usnaja istorija v pamjatnikah Novgoroda i Novgorodskoj zemli [The main story in the monuments of Novgorod and Novgorod land], St. Petersburg, 2007, 294 p. [in Russian].

Azbelev 2016 - Azbelev S.N. Letopisanie Velikogo Novgoroda [Chronicle of Great Novgorod], Moscow; St. Petersburg, 2016, 279 p. [in Russian].

Boyce 1988 - Boyce M. Zoroastrijcy [Zoroastrianists], Moscow, 1988, 302 p. [in Russian].

Bröndsted 1992 - Bröndsted J. Vikingarna hemma och i härnad [Vikings at home and campaigning], Stockholm, 1992, 264 p. [in Swedish].

Byrne 2005 - Byrne F.J. The Viking age, in: A New History of Ireland. I. Prehistoric and early Ireland / Ed. Dáibhí ó Cróinín, Oxford, 2005, pp. 609-634 [in English].

Byzantium 2013 - Byzantium and the Viking World, Uppsala universitetet, 463 p. [in English].

Djachenko 1993 - Djachenko G. Polny cerkovno-slavjansky slovar [Unabridged Church-Slavonic dictionary], Moscow, 1993, 1158 p. [in Russian].

Ekbo 1947 - Ekbo S. Nordiska personbinamn under vikinga- och medeltid [Nordic personal subsidiary names during the Viking age and the Middle ages], in: Nordisk kultur VII. Personnamn [Nordic culture VII. Personal names], Stockholm; København; Oslo, 1947, pp. 267-284 [in Swedish].

Fasmer 1986 - Fasmer M. Etimologichesky slovar russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language], Volume 1, Moscow, 1986, 576 p. [in Russian].

Fomin 2005 - Fomin V.V. Variagi i variazhskaia rus' [Varangians and varangian Rus], Moscow, 2005, 487 pp. [in Russian].

Fomin 2015 - Fomin V.V. Varjagi i Rus [Varangians and Russia], in: Izgnanije normannov iz russkoj istorii [The Expulsion of the Normans from Russian History], Moscow, 2015, 500 p. [in Russian].

Gibbon 1952 - Gibbon E. The histoty of the Decline and Fall of the Roman Empire. Great books of the Western World 40-41, Lausanne, 1952, 341 p. [in English].

Glazyrina 1996 - Glazyrina G.V. Islandskie vikingskie sagi o Severnoj Rusi [Icelandic Viking sagas about Northern Russia], Moscow, 1996, 237 p. [in Russian].

Groth 2010 - Groth L.P. Put' normanizma: ot fantazii k utopii [Path of normanism: from fantasy to utopia], in: Varyago-russkii vopros v istoriografii / Izgnanie normannov iz russkoi istorii. Vyp. 2 [Russian-Varangian question in historiography / Exile of normanns from russian history. Issue 2], Moscow, 2010, pp. 139-176 [in Russian].

Groth 2011 - Groth L.P. O vikingah: s rogami i bez rogov [About the Vikings: with and without horns], 2011, Electronic resource: http://pereformat.ru/2011/11/vikings/ (date of access - 23.11.2018) [in Russian].

Groth 2012 - Groth L.P. O Roslagene na dne morskom i o varyagah ne iz Skandinavii [About Roslagen on the seabed and varangians not from Scandinavia], in: Slovo o Lomonosove / Izgnanie normannov iz russkoj istorii [A word on Lomonosov / Explusion of Normans from Russian history], Release 3, Moscow, 2012, pp. 311-553 [in Russian].

Groth 2012A - Groth L.P. Shvedskie uchenye kak nastavniki G.Z. Baiera v izuchenii drevnerusskoi istorii [Swedish Scholars as the Teachers of Orientalist G.S. Bayer in Studying the Old Russian History], in: Vestnik Lipeckogo universiteta. Nauchnyi jurnal. Seriya «Gumanitarnye nauki» [Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University, series humanities], 2012, № 1 (6), pp. 35-46 [in Russian].

Groth 2013 - Groth L.P. Kuda zhe bylo devat'sya sovetskim istorikam ot Marksa?! [Where soviet historians were supposed to go from Marx?], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/12/marksizm-normanizm/ (date of access - 16.12.2018) [in Russian].

Groth 2015 - Groth L.P. Drevnerusskije goroda: pri chjem zdes skandinavy? [Old Russian cities: what have the Scandinavians to do with it?], 2015, Electronic resource: http://pereformat.ru/2015/03/drevnerusskie-goroda/ (date of access - 04.03.2018) [in Russian].

Groth 2015b - Groth L.P. Imena letopisnyh knjazej i korni drevnerusskogo institute knjazheskoj vlasti [Names of annalistic princes and roots of ancient russ institute of princely rule], in: Varjagi i Rus / Izgnanije normannov iz russkoj istorii. Vyp. 5 [Varangians and Russ], Moscow, 2015, pp. 245-500 [in Russian].

Groth 2015a - Groth L.P. Vojna informatsyonnaja protiv Rossii i eje istoricheskije istoki [Information war against Russia and its historical origins], 2015, Electronic resource: http://pereformat.ru/2015/05/vojna-informazionnaya/ (date of access - 08.05.2018) [in Russian].

Groth 2016 - Groth L.P. Kak letopisnaya chud' prevratilas' v «estonskie plemena» [How annalistic chud became «estonian tribe»], in: Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obschestvennye i gumanitarnye nauki [Academic notes of Petrozavodsk state university. Social and humanitarian sciences], 2016, № 1 (154), pp. 93-100 [in Russian].

Groth 2017 - Groth L.P. Nachalo russkoj istorii i shvedsky politichesky mif XVII-XVIII vekov [The initial period of Russian history and Swedish political myth of XVII-XVIII centuries], in: Vestnik Novgorodskogo gos. Universiteta. Gumanitarnyje nauki [Novgorod state university newsletter. Humanitarian sciences], 2017, № 2 (100), pp. 19-23 [in Russian].

Gruzinsky pergamentny manuskript 1900/1901 - Gruzinsky pergamntny manuskript 1042 goda ob osade Tsar-grada russkimi v 626 godu [Georgian parchment manuscript 1042 on the siege of Tsar-grad by Russians in 626], in: Vestnik vsemirnoj istorii. Ezhemesjachny zhurnal istoricheskoj literatury i nauki. Dekabr [Bulletin of World History. A monthly journal of historical literature and science. December]. Number 1, St. Petersburg, 1900/1901, 811 p. [in Russian].

Harrison 2009 - Harrison D. Sveriges historia 600-1350 [Swedish history 600-1350], Stockholm, 2009, 502 p. [in Swedish].

Haslag 1963 - Haslag J. «Gotic» im 17. und 18. Jarhundert [«Gothic» in the 17. and 18. Centuries], Köln, 1963, 203 p. [in German].

Isberg 1973 - Isberg A. Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617-1704 [Swedish segregation policy in Ingermanland 1617-1704], in: Studia historico-ecclesiastica Upsalensia 23, Uppsala, 1973, 163 p. [in Swedish].

Jackson 1993 - Jackson T.N. Islandskije korolevskije sagi o Vostochnoj Evrope [Icelandic royal sagas about Eastern Europe], Moscow, 1993, 304 p. [in Russian].

Kamenevich-Rvovsky 2004 - Kamenevich-Rvovsky T. Istoria o nachale Russkoj zemli i o sozdanii Novgoroda [The story of the beginning of the Russian land and the creation of Novgorod], in: Skazanija Novgoroda Velokogo (IX-XIV vv.) / Sostavlenije, perevod, kommentarii i vstupitelnaja статья Y. K. Begunova [Tales of Novgorod the Great (IX-XIV centuries) / Compilation, translation, commentary and introductory article by Yu. K. Begunov], St. Petersburg, 2004, pp. 46-61 [in Russian].

Klyosov 2013 - Klyosov A.A. Otvety daet DNK-genealogiya [DNA-genealogy gives answers], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/ (date of access - 08.05.2018) [in Russian].

Kunik 1875 - Kunik A.A. Dopolnenija [Addition], in: Dorn B. Kaspij [Caspian], St. Petersburg, 1875 [in Russian].

Kuzmin 2005 - Kuzmin A.G. Nachalo Rusi [The beginning of Russia], Moscow, 2005, 428 p. [in Russian].

Latvakangas 1995 - Latvakangas A. Riksgrundarna [National founders], Turkku, 1995, 527 p. [in Swedish].

Lindkvist, Sjöberg 2008 - Lindkvist Th., Sjöberg M. Det svenska samhället 800-1720. Klerkernas och adelns tid [The swedish society 800-1720. The clerics and nobilitys era], Andra upplaga. Studentlitteratur, 2008, 476 p. [in Swedish].

Magnus Olaus 1912 - Magnus Olaus. Historia om de nordiska folken. Andra delen. Fjärde boken. Fjärde kapitlet. Om de fem olika språk i de nordiska länderna [History of the Northern Peoples. The second part of. Fourth book. About five languages in the northern countries], Uppsala; Stockholm, 1912, 330 p. [in Swedish].

Mahabharata 1985 - Mahabharata. Vypusk III. Epizody iz knig III, IV. Izdanie vtoroje / Perevod, vvedenije, primechanija i tolkovy slovar akademika AN SSSR B.L. Smirnova [Mahabharata. Issue III. Episodes from books III, IV. Second Edition / Translation, introduction, notes and explanatory words of the academician of the USSR Academy of Sciences B.L. Smirnov], Ashkabad, 1985, 488 p. [in Russian].

Marx 1990 - Marx K. 1700-talets hemliga diplomati [Secret diplomacy of the 18th century], Värnamo, 1990, 163 p. [in Swedish].

Nordin 2000 - Nordin J. Ett fattig men fritt folk [Poor but free people], Stockholm/Stehag, Brutus Östlings Pub., 2000, 527 p. [in Swedish].

Nordström 1934 - Nordstrom J. De yverbornes o. Sextonhundratalsstudier [Island of highborne. Studies from the seventeenth century], Stockholm, 1934, 198 p. [in Swedish].

Persson, Oldrup 2010 - Persson Å., Oldrup Th. 101 historiska myter [101 historical myths], Lund, 2010, 221 p. [in Swedish].

Roesdahl 2001 - Roesdahl E. Vikingernes verden [Viking world], København, 2001, 324 p. [in Danish].

Rudbeck 1937 - Rudbeck O. Atland eller Manheim. Första delen [Atlantis and Manheim. Part one], Uppsala and Stockholm, 1937, 590 p. [in Swedish].

Rudbeck 1947 - Rudbeck O. Atlands eller Manheims. Tredje delen [Atlantis and Manheim. Part three], Uppsala och Stockholm, 1947, 777 p. [in Swedish].

Sagan 1830-1854 - Sagan om Didrik af Bern, utgiven av Gunnar Olof Hylten-Cavallius [Didrik af Bern saga published by Gunnar Olof Hylten-Cavallius], Stockholm, 1830-1854, 487 p. [in Swedish].

Sapzhnikova, Sapozhnikov 2006 - Sapzhnikova I.Ju., Sapozhnikov O.Ja. Mechta o russkom jedinstve. Kievsky sinopsis (1674) [The dream of Russian unity. Kiev synopsis (1674)], Moscow, 2006, 248 p. [in Russian].

Scarin 1734 - Scarin Algot. De originibus priscae gentis varegorum Diss. [Varangian origin. Dissertation], Aboae, 1734, 84 p. [in Latin].

Schűck 1932 - Schűck H. KGL. Vitterhets historie och antikvitets akademien. Dess förhistoria och historia [Royal Academy of Literature, History, and Antiquities. Her background and history], Stockholm, 1932 [in Swedish].

Schück 1932-1944 - Schück H. Den äldre Peringskiölds tid [Initial Peringscheld period], in: KGL.Vitterhets historie och Antikvitets akademien. Dess förhistoria och historia [Royal Academy of Literature, History, and Antiquities. Her background and history], I-VIII, Stockholm, 1932-1944, B. IV [in Swedish].

Svennung 1967 - Svennung J. Zur Geschichte des goticismus [Short history of Gothicism], Stockholm, 1967, 118 p. [in German].

The Viking Phenomenon 2015 - The Viking Phenomenon, 2015, Electronic resource: https://www.arkeologi.uu.se/Research/Projects/viking-phenomenon/ (date of access - 12.2015) [in English].

Wallase 2000 - Wallase P.F. Garrda and airbeada: the plot thickens in Viking Dublin, in: Seanchas: Essays in Early and Medieval Irish Archaeology, History and Litterature in Honour of F.J. Byrne / A.P.Smyth (ed.), Dublin, 2000, pp. 261-274 [in English].

Wallase 2008 - Wallase P.F. Irish Archaeology and the Recognition of Ethnic Difference in Viking Dublin, in: Evaluating Multiple Narratives / Ed. Junko Habu, Clare Fawcett, John M. Matsunaga, New York, 2008, pp. 166-182 [in English].

Warages 1756 - Warages, les, hist. de Russie, in: Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des metiers [Encyclopedia, or explanatory dictionary of sciences, arts and crafts], Paris, 1756, XVII, 589 p. [in French].

Warjagi i warjazhsky vopros 1928 - Varjagi i varjazhsky vopros [Varangians and Varangian issue], in: Bol'shaya sovetskaya enciklopediya / Pod redaktsyej N.I. Buharina, V.V. Kujbysheva, M.N. Pokrovskogo [Big Soviet encyclopedia / Edited by N.I. Bukharin, V.V. Kuybyshev, M.N. Pokrovsky], Volume 9, Moscow, 1928 [in Russian].

Wolfram 2003 - Wolfram H. Goty [the Goths], St. Petersburg, 2003, 653 p. [in Russian].

Zabelin 1876 - Zabelin I.E. Istorija russkoj zhizni s drevnejshih vremjen. Ch.1 [The history of Russian life since ancient times. Part 1], Moscow, 1876, 654 p. [in Russian].

Zagoskin 1899 - Zagoskin N.P. Istorija prava russkogo naroda [History of the law of the Russian people], Kazan, 1899, 512 p. [in Russian].

Zhyh 2016 - Zhih M.I. Xavier Marmier. Xavier Marmier. Le Mecklembourg / Ksav'e Marm'e. Meklenburg (russkij perevod Zapisok o puteshestvii Ksav'e Marm'e v Meklenburg) [Xavier Marmier. Le Mecklembourg (Russian translation of Xavier Marmier's notes about his travel to Mecklenburg)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 3, pp. 9-61 [in Russian].

Грот Лидия Павловна
– Кандидат исторических наук, заместитель председателя общества «Русский салон», историограф общества (Лулео, Швеция).

Lidia Groth
– candidate of historical sciences, vice-chairman of society «Russian Salon», historiographer of society (Luleå, Sweden).

mail@histformat.com